

УФИМСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ УФИМСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИ-
СТОРИИ.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНИЮ,
СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ,
5 РУБ. 50 КОП.

№ 17.

1879.

1 Ноября.

Г О Д Ъ П Е Р В Ы Й .

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА:

*Отъ 20-го іюля—21-го августа 1879 г. за № 47, о со-
ставленной ректоромъ варшавскаго университета Благо-
вещенскимъ книгъ: „Горацій и его время“, съ журналомъ
Учебнаго Комитета.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій
Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. си-
нодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 7-го іюня 1879 года
за № 224, съ журналомъ Учебнаго Комитета, коимъ со-
ставленную ректоромъ Императорскаго варшавскаго уни-
верситета Н. Благовещенскимъ книгу: «Горацій и его
время» (2-е изданіе, Варшава. 1878 года) признается
возможнымъ рекомендовать для приобрѣтенія въ фунда-
ментальныя и ученическія бібліотеки духовныхъ семи-
нарій. Приказали: Заключение Учебнаго Комитета
утвердить, объявивъ о семъ правленіямъ духовныхъ се-
минарій циркулярно чрезъ «Церковный Вѣстникъ», съ
приложеніемъ копии съ журнала Учебнаго Комитета.

Списокъ лицъ Уфимской епархіи, коимъ, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 25-го іюля—8-го августа 1879 года за № 1468, преподано благословеніе Святѣйшаго Синода, съ выдачею установленныхъ грамотъ, за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству.

Уфимскаго уѣзда, села Новотроицкаго починка, крестьянину Петру **Лобанову**; уфимскому купцу Павлу **Зайцеву**; бирскаго уѣзда, села Старо-Петрова, крестьянину Ивану **Лукину Васильеву**; бирскаго уѣзда, деревни Питяковой, крестьянину Еѣиму Петрову **Панчихину**; старостѣ Макарьевской церкви села Ильбахтина, мензелинскаго уѣзда, временному мензелинскому 2-й гильдіи купцу Ильѣ **Евграфову**; землевладѣлицѣ бирскаго уѣзда, села Топорни-на, Маріи Михайловой **Топорниной**.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

По постановленію Уфимской Духовной Консистеріи, отъ 12 Сентября 1879 года, утвержденному Его Преосвященствомъ, стерлитамакскій уѣздъ раздѣленъ на три благочинническихъ округа слѣдующимъ образомъ: въ составъ 1-го округа вошли г. Стерлитамакъ, села: Зубово (Александровское), Левашево, Зиргань, Васильевка, Мелеузъ, Вугульчань, Татьянино, Петровское, заводы: Воскресенскій и Верхоторскій; въ составъ 2-го округа села: Куганакъ, Коробково, Нагадакъ, Табынскъ, Месели, Макарово, Шмитово и заводы: Богоявленскій и Архангельскій; въ составъ 3-го округа села: Бондаревка, Дура-совка, Θεодоровка, Прасковьино, Романовка, Николаевка, Максимовка и Рязановка. На основаніи избирательныхъ списковъ 1-го и 2-го благочинническихъ округовъ уѣзда (по прежнему дѣленію), составленныхъ при произведеніи баллатировокъ на должности въ 1878 году, а также на основаніи предшествовавшихъ распоряженій Епархіаль-

наго Начальства, назначены на должности до окончанія трехлѣтїа, т. е., до 1 Января 1881 года, нижеслѣдующія лица: а) въ 1-мъ округѣ Благочинный стерлитамакского собора, протоіерей Философъ Виноградовъ и Благочинный 1-го округа села Петровскаго, священникъ Іоаннъ Андреевъ остаются при своихъ должностяхъ, съ подчиненіемъ первому причта стерлитамакского собора, а послѣднему вышеозначенныхъ десяти сельскихъ причтовъ 1-го округа; Помощникомъ Благочиннаго къ послѣднему назначенъ священникъ села Зубова Павелъ Монблановъ, а Судебнымъ Слѣдователемъ по 1-му округу (въ томъ числѣ и по г. Стерлитамаку) священникъ Воскресенскаго завода Михаилъ Смирновъ. Благочинническій Совѣтъ этого округа составляется изъ двухъ вышеозначенныхъ Благочинныхъ и Помощника Благочиннаго, священника Монбланова; б) во 2-мъ округѣ священникъ села Табынска Іоаннъ Зысковъ опредѣленъ Благочиннымъ округа, съ подчиненіемъ ему причтовъ означенныхъ выше девяти церквей этого округа; священникъ села Коробкова (Ивановскаго) Гавріиль Лучинскій—Помощникомъ Благочиннаго и Членомъ Благочинническаго Совѣта; священникъ села Куганака Іоаннъ Тимашевъ—третьимъ Членомъ Совѣта; священникъ села Табынска Николай Гуменскій Судебнымъ Слѣдователемъ округа; в) въ 3-мъ округѣ священникъ села Бондаревки Николай Геллертовъ остается Благочиннымъ округа, съ подчиненіемъ ему восьми вышеозначенныхъ причтовъ округа; Помощникомъ Благочиннаго и Членомъ Совѣта назначенъ священникъ села Покровскаго Василій Малышевъ; третьимъ Членомъ Совѣта и Судебнымъ Слѣдователемъ—священникъ села Прасковина Николай Колокольцевъ.

Окончившій курсъ въ казанской духовной семинаріи,

сынъ священника Михаилъ Васильевъ Говлевъ, согласно прошенію его, Уфимскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ, 4 Октября сего года, опредѣленъ псаломщикомъ къ церкви села Петровскаго, стерлитамакскаго уѣзда.

Окончившій курсъ въ уфимскомъ духовномъ училищѣ, священнической сынъ Андрей Маловъ, согласно резолюціи Преосвященнаго Никанора, Епископа Уфимскаго и Мензелинскаго, 11 Октября, опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика въ село Месели, стерлитамакскаго уѣзда.

Исправляющій должность псаломщика единовѣрческой церкви села Куяштыра, бирскаго уѣзда, Николай Анисимовъ, согласно резолюціи Преосвященнаго Никанора, Епископа Уфимскаго и Мензелинскаго, 5 Октября, перемѣщенъ на псаломщицкое мѣсто къ златоустовской единовѣрческой церкви.

Стерлитамакскаго уѣзда, села Ивановскаго, исправляющій должность псаломщика Стефанъ Ветошниковъ и села Петровскаго, допущенный къ исполненію обязанностей псаломщика, отставной почталіонъ Викторъ Юоновъ, по резолюціи Преосвященнаго Никанора, Епископа Уфимскаго и Мензелинскаго, перемѣщены, 10 Октября, первый въ село Петровское исправляющимъ долж. псаломщика, а второй въ село Ивановское исправляющимъ дол. псаломщика.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

О погребеніи умершихъ безъ напутствія и лицъ армяно-грегоріанскаго исповѣданія.—По поводу того, что одинъ изъ священниковъ рязанской епархіи не похоронилъ умершаго крестьянина безъ полицейскаго дознанія, такъ какъ крестьянинъ этотъ умеръ безъ исповѣди и принятія Св. Таинъ, рязанская духовная консисторія сдѣлала нижеслѣдующее постановленіе: Свод. Закон., изд. 1857 г.; тома XIII, Уст. мед. пол. статья 918: Запрещается подъ опасеніемъ отвѣтственности, по статьѣ 860 Уложенія о наказаніяхъ, прежде осмотра судебно-медицинскаго предавать землѣ слѣдующіе трупы: а) тѣла умершихъ вскорѣ послѣ наружнаго механическаго насилія, отъ ушиба, отъ раны, отъ паденія съ значительной высоты и т. д.; б) тѣла умершихъ скоропостижно съ необыкновенными припадками, подающими поводъ къ подозрѣнію въ отравѣ; в) тѣла умершихъ по наружномъ употребленіи вредныхъ паровъ, мази, ваннъ, умываній, пудръ и т. п.; г) найденное мертвое тѣло съ знаками наружныхъ насилій, или безъ оныхъ; д) вообще тѣла людей, бывшихъ по видимому здоровыми и умершихъ скоропостижно отъ неизвѣстной причины; е) найденное мертвое тѣло новорожденнаго младенца; ж) также въ тѣхъ случаяхъ, когда есть подозрѣніе въ умышенномъ умерщвленіи и изгнаніи плода; и з) когда возникнутъ жалобы о приключившейся смерти отъ не позволеннаго лѣченія шарлатанами и другими лицами, неимѣющими права на лѣченіе. Въ этомъ законѣ довольно опредѣленно сказано, когда священникъ не можетъ совершить погребенія умершихъ, безъ предварительнаго осмотра судебно-медицинскаго.

Каждаго изъ таковыхъ умершихъ не должно погребать прежде судебно-медицинскаго освидѣтельствованія:

законъ есть и отступать отъ него не слѣдуетъ. Впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ пастырская практика показала, что приходскій священникъ и можетъ, и долженъ знать, какъ нравственное состояніе, такъ и состояніе здоровья своихъ прихожанъ, а потому, большею частію, можетъ опредѣлять и причины смерти извѣстнаго прихожанина, хотя бы то и приблизительно, и если между ними не усматривается причинъ, воспрепятствующихъ по закону погребеніе умершаго, то можетъ погребать и безъ судебно-медицинскаго освидѣтельствованія, не смотря на то, что умершій не напутствованъ Святыми Тайнами. Въ этихъ случаяхъ нужно требовать отъ домашнихъ и сосѣдей, а также и полицейскаго сотскаго письменную подписку, удостоверяющую, что умершій, предъ самымъ пріѣздомъ священника, былъ нездоровъ довольно продолжительною болѣзнію. Это засвидѣтельствованіе можетъ считаться достаточнымъ при добросовѣстности свидѣтелей, которую можетъ опредѣлить самъ священникъ. Конечно, положеніе молодаго священника, или недавно поступившаго въ приходъ, болѣе затруднительно; но и онъ имѣетъ право основаться на показаніи полицейскаго сотскаго, какъ лица присяжнаго. При этомъ замѣтимъ, что если священникъ не имѣетъ особыхъ причинъ, то и не можетъ уклоняться отъ погребенія умершаго всякаго вообще православнаго христіанина; въ противномъ случаѣ, онъ подвергнется наказаніямъ, или монастырскому подначалію, или даже лишенію сана, смотря по мѣрѣ вины, такъ какъ на основаніи существующихъ узаконеній нельзя погребать скоропостижно умершихъ, но только тѣхъ, тѣла которыхъ несутъ на себѣ признаки самоубійства, или насильственной смерти, а умершіе естественною смертію, хотя бы то и безъ напутствованія Святыми Тайнами, по истеченіи трехъ сутокъ послѣ смерти, могутъ быть погребены священникомъ по христіанскому чинопослѣдованію.

— Екатеринбургская духовная консисторія, по поводу встрѣченныхъ однимъ священникомъ недоразумѣній, относительно совершенія армяногрегоріанскимъ духовенствомъ требъ въ православныхъ храмахъ и совершенія погребенія лицъ того же исповѣданія православнымъ духовенствомъ, на основаніи существующихъ законоположеній, постановила: 1) въ православныхъ храмахъ не могутъ быть совершаемы требы армяно-грегоріанскимъ духовенствомъ; 2) православный священникъ, при погребеніи армяно-грегоріанскимъ духовенствомъ лицъ этого исповѣданія, не долженъ принимать участія въ этомъ погребеніи; 3) православный священникъ, за отсутствіемъ священника армяно-грегоріанскаго исповѣданія, можетъ и долженъ сопроводить до кладбища умершаго иновѣрца армяно-грегоріанскаго исповѣданія, но при этомъ онъ не долженъ заносить умершаго въ православную церковь, не долженъ сопровождать умершаго съ хоругвями и крестами и при колокольномъ звонѣ; но долженъ сопроводить его отъ мѣста поднятія тѣла до кладбища въ епитрахили и ризахъ и опустить въ могилу, при пѣніи: «Святый Боже», и 4) позволять армяно-грегоріанскому духовенству брать изъ православныхъ храмовъ для его требоисправленій хоругви, кресты и другую церковную утварь воспрещается, а равно воспрещается и похоронный звонъ въ православныхъ церквахъ, при совершеніи означеннымъ духовенствомъ погребенія.

(Церковно-обществ. Вѣстн. 1879 г. № 115).

О покупкѣ свѣчъ для церквей изъ епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ или изъ общецерковныхъ въ епархіяхъ складовъ.—Святѣйшимъ Синодомъ, въ видахъ возможнаго увеличенія церковныхъ доходовъ, предоставлено духовенству

каждой епархіи устраивать свѣчные заводы или свѣчные склады на общія церковныя средства, съ обязательствомъ для всѣхъ священно-церковно-служителей и церковныхъ старостъ свѣчи для употребленія въ церквахъ покупать не изъ частныхъ лавокъ, а только изъ этихъ епархіальныхъ складовъ. Такое распоряженіе, казалось, не должно было бы вызвать никакихъ недоразумѣній. Между тѣмъ, какъ намъ пишутъ изъ Петербурга, вотъ что случилось въ Калужской епархіи: церковный староста села Лугани, въ мещовскомъ уѣздѣ, г. Рагозинъ, обратился къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода съ жалобой на распоряженіе епархіальнаго начальства объ обязательной покупкѣ для названной церкви свѣчъ въ центральномъ епархіальномъ свѣчномъ складѣ. Святѣйшій Синодъ, на разсмотрѣніе котораго поступила эта жалоба, потребовалъ объясненія отъ калужскаго епархіальнаго начальства. Оказалось, что уклоненіе церковнаго старосты г. Рагозина отъ пріобрѣтенія церковныхъ свѣчъ изъ общеeparхіальнаго склада было не только незаконно, но и не согласно съ интересами церкви, такъ какъ въ этомъ складѣ свѣчи изъ чистаго пчелинаго воска продаются отъ полутора до двухъ рублей дешевле покупаемыхъ изъ мѣстныхъ частныхъ заводовъ. Св. Синодъ постановилъ разъяснить церковному старостѣ, что требуемая духовнымъ начальствомъ покупка церковными причтами и старостами свѣчъ для церквей изъ епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ, а гдѣ заводовъ нѣтъ, изъ общецерковныхъ въ епархіяхъ складовъ, составляетъ, сколько видно изъ дѣлъ Святѣйшаго Синода и опытовъ тѣхъ епархій, гдѣ такой порядокъ введенъ, самую надежную практическую мѣру какъ для увеличенія церковныхъ доходовъ, такъ и для возвышенія зависящаго отъ положенія этихъ доходовъ благосостоянія церквей и духовно-учебныхъ заведеній, въ коихъ приготавливаются служители для церквей, и что не-

соблюденіе церковными причтами и староатами этой общепользующей мѣры, служа большею частію только къ злоупотребленію церковными доходами, должно быть тщательно устраняемо и самовольіе по дѣламъ подобнаго рода не можетъ быть терпимо.

(Моск. Вѣд. 1879 г. № 246).

ПРАЗДНОВАНИЕ ДВУХСОТЛѢТНЯГО СУЩЕСТВОВАНІЯ ХРАМА ВО ИМЯ ПОКРОВА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ ПРИ ИЗМАЙЛОВСКОЙ ВОЕННОЙ БОГАДѢЛЬНѢ, ВЪ МОСКВѢ.

1 октября, въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, Николаевская Измайловская военная богадѣльня праздновала 200лѣтній юбилей находящагося при ней храма, основаннаго въ 1672 году царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, въ ознаменованіе дня рожденія императора Петра Великаго, и освященнаго 1 октября 1679 года патриархомъ Іоакимомъ, въ присутствіи царя Феодора Алексѣевича. Празднованіе началось литургіей, которую совершалъ преосвященный Амвросій, епископъ дмитровскій, въ сослуженіи трехъ архимандритовъ и отца протоіерея богадѣльни. На литургіи присутствовали: московскій генераль-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ, командующій войсками московскаго военнаго округа графъ А. И. Бревернъ-де-Лагарди и множество другихъ военно-начальствующихъ лицъ. Преосвященный Амвросій произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Мы сегодня празднуемъ двухсотлѣтній юбилей этого святаго храма. Кромѣ внутренняго духовнаго своего значенія, этотъ величественный храмъ есть драгоцѣнный для насъ историческій памятникъ. Онъ основанъ, какъ извѣстно, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ память рожденія преобразователя Россіи, перваго ея императора,

Петра Великаго, освященъ 1 октября 1679 года, въ присутствіи царя Θεодора Алексѣевича, однимъ изъ послѣднихъ нашихъ патріарховъ—Іоакимомъ. Въ настоящее время онъ служитъ мѣстомъ молитвъ и источникомъ духовныхъ утѣшеній для отслужившихъ героевъ нашихъ, воиновъ здѣсь призрѣваемыхъ. Какъ соотвѣтствуетъ это его назначеніе первоначальной мысли о построеніи его и первымъ годамъ его существованія! Не Петромъ ли созданы наши новыя военныя силы? Не здѣсь ли, въ Измайловѣ и въ сосѣднемъ Преображенскомъ, въ виду этого храма отрокъ Петръ обучалъ свои дѣтскіе полки новому военному строю? Съ тѣхъ поръ, въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ, пока стоялъ этотъ храмъ, какія великія событія совершались въ нашемъ отечествѣ! На какое необозримое пространство раздвинуты его предѣлы, сколько великихъ войнъ выдержано, сколько славныхъ подвиговъ совершено войсками нашими! И съ того времени доселѣ наши воины всегда одинаковы: въ великихъ войнахъ Петра, Екатерины, Александра I, Николая и въ послѣднюю Восточную войну, вездѣ они герои: беззавѣтно храбрые, мужественные, неустрашимые, терпѣливые, великодушные и челоѣколюбивые. На нихъ зиждется и ими охраняется могущество и слава нашего отечества.

„На юбилей храма, основаннаго въ память рожденія великаго императора-воина, въ виду стоящихъ здѣсь воиновъ—предводителей и отслужившихъ ветерановъ, я увлекаюсь мыслию о воинахъ, которые въ послѣдніе годы особенно стали близки нашему сердцу, по своимъ изумительнымъ подвигамъ. Да будетъ мнѣ позволено исключительно имъ посвятить мое слово.

„По смыслу праздника, теперь естественно намъ желать сохраненія этого храма еще на многія столѣтія; но не свойственно ли еще болѣе желать сохраненія на вѣки вѣчныя въ нашихъ несравненныхъ воинахъ тѣхъ вы-

сокихъ качествъ, которыя составляютъ силу и славу нашего отечества, которыми они изумляютъ весь міръ? И если одно изъ условій сохраненія древнихъ зданій есть защищеніе ихъ отъ вывѣтриванія и перемѣнъ воздушныхъ: то и средствомъ сохраненія вѣковыхъ доблестей нашихъ воиновъ не должно ли быть защищеніе ихъ отъ перемѣнъ, наносимыхъ разрушительнымъ духомъ нашего времени?...

„Что же особенно должно быть сохраняемо въ нашихъ воинахъ? То, что составляетъ главную основу ихъ высокихъ качествъ. А что составляетъ эту основу? Не ошибемся, если скажемъ: *вѣра православная*.

„Святая вѣра наша своимъ ученіемъ прежде всего устанавливаетъ въ нашихъ воинахъ истинный взглядъ на войну. Они не смотрятъ на нее, какъ на случайное событіе, а какъ на дѣло великое и страшное, которое не можетъ быть начато безъ особенной воли Божіей и не можетъ быть окончено такъ или иначе безъ водительства Божественнаго Промысла. Наши воины вѣруютъ, что если безъ воли Божіей и воробей не упадетъ съ вѣтки дерева, то тѣмъ болѣе безъ этой вседержавшей воли не могутъ быть поля и горы обливаемы кровію и устилаемы костями человѣческими. Они вѣруютъ, что *сердце царево въ руцѣ Божіей*, что и самыя кажущіяся ошибки властителей въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ война, не могутъ быть безъ Божьяго пощупанія, испытующаго народы и наказующаго грѣхи человѣческіе. Потому, когда Государь объявляетъ войну, не смущаются, не разслабляютъ ихъ духа противорѣчивыя мнѣнія, недоумѣнія, колебанія; они единомысленно и единодушно, какъ одинъ человѣкъ, идутъ по данному указанію. И когда Святая Церковь, помолившись вмѣстѣ съ ними, предастъ имъ свое напутственное благословеніе, они, подчиняясь велѣніямъ власти земной и небесной, вступаютъ въ великій

подвигъ войны съ яснымъ сознаниемъ лежащаго на нихъ святаго долга. Оттого ихъ не нужно возбуждать къ подвигу искусными рѣчами, а довольно указать, какъ и гдѣ они должны исполнить свою обязанность. Они чувствуютъ себя орудіями въ рукахъ Божіихъ; вѣруютъ, что Богъ ихъ предводитель, хранитель и помощникъ. Оттого они не боятся, когда слышатъ, что нѣсколько народовъ идетъ противъ нашего Царя, не считаютъ враговъ, противъ которыхъ ведутъ ихъ. Умереть надо, а Богъ силенъ дать и побѣду: вотъ ихъ убѣжденіе, ведущее ихъ къ побѣдамъ. Оттого они послѣ неудачнаго сраженія не теряютъ бодрости, не упадаютъ духомъ; они переносятъ несчастье со смиреніемъ, какъ посланное Богомъ. Оттого послѣ побѣды первое ихъ движеніе—благодареніе Богу. Оттого они не тщеславны, не мстительны, не злопамятны, не оскорбляютъ побѣжденнаго врага, не обижаютъ безоружнаго; они съ раненымъ или плѣннымъ врагомъ раздѣляютъ послѣдній сухарь, послѣдній глотокъ воды. Они исполнили свой долгъ и счастливы внутренно, а потому благодущны и человѣколюбивы. Да, только вѣра и Божія благодать могутъ воспитывать въ войнахъ такія свойства!

„Православная вѣра сообщаетъ нашему воину особый, возвышенный взглядъ на его отечество. Дорога ему его родина не по привязанности только къ ней, какъ къ мѣсту рожденія и жительства, но и по священнымъ предметамъ его вѣры и благоговѣнія. Православная Церковь своими святынями, храмами, праздниками, богослуженіями, обрядами, такъ многосторонне объемлетъ нашу жизнь, такъ освячительно вводитъ насъ въ чистую область духа, такъ проникаетъ насъ благодатными ощущеніями общенія съ Богомъ, что, при разставаніи съ родиной, сердце русскаго человѣка вдвойнѣ страдаетъ, отрываясь отъ предметовъ человѣческой и духовной привязанности. Из-

вѣстно, что всякій истинно русскій человѣкъ, на чужой сторонѣ, считаетъ время по своимъ праздникамъ и тоскуетъ безъ храмовъ Божіихъ. И нашъ воинъ въ чужой землѣ, выходя изъ лагерной палатки, творитъ на себѣ крестное знаменіе, обращаясь мысленно ко святымъ храмамъ и золотымъ крестамъ, сіяющимъ на свѣтломъ горизонтѣ его родины. Поэтому онъ идетъ сражаться не только за свою любимую, великую, славную Россію, но и за Церковь Божію; онъ чувствуетъ на себѣ обязанность службы не только Царю и Отечеству, но и Богу. Онъ жертвуетъ свою жизнь за все, что есть для человѣка на землѣ дорогаго, великаго и святаго. Здѣсь источникъ его несокрушимаго мужества и безграничнаго самоотверженія!

„Отсюда происходитъ и особенный взглядъ нашего воина на свою судьбу. Онъ живо чувствуетъ, что, расставаясь съ отечествомъ, не прерываетъ съ нимъ своей внутренней связи, своего духовнаго общенія. Онъ знаетъ, что на родинѣ не только вспоминаютъ о немъ, но и молятся за него, и не родные только, но и сограждане, и вся Церковь. Его объемлетъ незнающая границъ и разстояній духовная христіанская любовь, сильная силой вездѣсущаго Бога; онъ чувствуетъ себя духовно въ лонѣ Церкви, въ объятіяхъ матери. Онъ знаетъ, что въ случаѣ его смерти и о душѣ его помолится Церковь, что Господь проститъ ему грѣхи его, и онъ умираетъ, перекрестясь, съ несомнѣнною надеждою вѣчнаго успокоенія.. Вотъ почему въ пылу битвы наши воины такъ безстрашно смотрятъ въ лицо смерти!

„Удивляются иностранцы терпѣливости, умѣренности, выносливости нашего воина. Объясняютъ эти качества простотой жизни нашего народа, суровостію воспитанія нашихъ поселянъ. Безспорно, все это имѣетъ значеніе въ перенесеніи трудностей военной жизни; но русскому во-

ину на нашей памяти и еще так недавно приходилось выносить лишеныя, превышающія силы человѣческія, и онъ выносилъ ихъ съ терпѣніемъ и безропотной покорностію. Для этого мало физической привычки къ лишеныямъ; для этого нужна сила духа, преодолевающая страданія; для этого нужны опоры, поддерживающія самый духъ человѣка, слѣдовательно опоры нравственныя. Ими нельзя запастись мгновенно въ минуты воодушевленія; здѣсь нуженъ также и навыкъ, поддерживающій духъ человѣка изо дня въ день, на цѣлыя недѣли и мѣсяцы голода, жажды, мороза или зноя. Здѣсь то во всей силѣ обнаруживаются плоды уроковъ Церкви, тѣхъ уставовъ о бдѣніи, говѣніи, которыхъ мы въ слѣпотѣ нашей образованности такъ чуждаемся, тѣхъ постовъ, противъ которыхъ мы такъ возстаемъ. И здѣсь главное значеніе получаетъ не тѣлесное воздержаніе, а безропотное послушаніе правилу, долгу, пріобрѣтаемое съ дѣтства. Для нашего война по духовному его настроенію и подвигъ войны имѣетъ значеніе труда богоугоднаго, спасительнаго, на который послало его Отечество и благословила Церковь. Потому онъ и не волнуется, когда нѣтъ того или другаго; потому онъ и въ лишеныяхъ умираетъ съ тѣмъ же покорнымъ и неропщущимъ духомъ, какъ и среди ужасовъ битвы. Для нашего православнаго война съ дѣтства слышанныя имъ дома слова: „нельзя, грѣшно“, и слова, слышимыя на войнѣ: „нѣтъ, взять негдѣ“, — равносильны, и имѣютъ одинаковое нравственное значеніе. Они завершаются общимъ, глубокимъ убѣжденіемъ: „знать, такъ Богу угодно.“ Вотъ гдѣ источникъ его терпѣнія!

„Подъ сѣнію древняго храма, одного изъ свидѣтелей молитвъ и духовныхъ подвиговъ нашихъ предковъ, помолимся, какъ молился нѣкогда Самъ Спаситель нашъ за Симона Петра: *да не оскуднѣтъ вѣра наша* среди всѣхъ искушеній и губельныхъ вліяній нашего времени. Во

главѣ всѣхъ нашихъ уставовъ и программъ для народнаго образованія, такъ-сказать, на дверяхъ всѣхъ нашихъ учебныхъ, гражданскихъ и военныхъ заведеній, напишемъ крупными буквами эту непререкаемую истину: „до тѣхъ поръ будетъ велико и славно наше Отечество, и непобѣдимы наши арміи, пока крѣпка въ насъ вѣра православная, и мы сами послушны руководству Церкви.“

По окончаніи рѣчи было отслужено молебствіе о здравіи и благоденствіи Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома и провозглашена вѣчная память царямъ Алексѣю Михайловичу, Θεодору Алексѣевичу, императору Петру Великому и святѣйшему патріарху Іоакиму.

Послѣ богослуженія всѣ присутствовавшіе были приглашены въ столовую залу призрѣваемыхъ инвалидовъ, украшенную портретами Царственныхъ Особъ и убранную цвѣтами и флагами. По правую сторону колоннъ залы былъ сервированъ завтракъ на 50 кувертовъ; другой столъ былъ приготовленъ для призрѣваемыхъ офицеровъ. По лѣвую сторону колоннъ этой же залы обѣдали всѣ призрѣваемые инвалиды.

Во время завтрака московскій генераль-губернаторъ, князь В. А. Долгоруковъ, провозгласилъ тостъ за здравіе и благоденствіе Государя Императора и всего Царствующаго Дома; въ отвѣтъ на этотъ тостъ всѣ приглашенные на праздникъ лица и призрѣваемые ветераны, при звукахъ музыки Екатеринбургскаго гренадерскаго полка, съ восторгомъ огласили своды древняго зданія громкимъ несмолкаемымъ *ура*. Второй тостъ былъ поднять за здоровье августѣйшаго Предсѣдателя Александровскаго комитета о раненыхъ Великаго Князя Константина Николаевича. Затѣмъ привозглашены были тосты за здоровье князя В. А. Долгорукова, преосвященнаго епископа Амвросія, графа А. И. Бреверна де-Лагарди, маститаго, досточтимаго директора Николаевской Измайловской во-

енной богадѣльни генераль-лейтенанта Дмитрія Николаевича Бѣлевцова; за непобѣдимое Россійское воинство и наконецъ за ветерановъ Измайловской военной богадѣльни. Праздникъ окончился въ 4 часу по полудни.

(Москов. Вѣдом. 1879 г. № 251).

Слово въ день Покрова Пресвятой Богородицы.

Паче солнечныхъ лучъ, твоимъ осѣняющимъ омофоромъ освѣщаеши церковь и люди и тьму грѣховъ нашихъ отгониши посѣщеніемъ твоимъ, Богородице, къ сыну твоему и Богу за ны молящися (Кап. 3 пѣсн).

Много въ году праздниковъ въ честь и память Божіей Матери. Много всегда, и во дни праздниковъ по преимуществу, возносится церковію молитвъ и хвалебныхъ пѣснопѣній къ Богородицѣ. Сегодня же установлено церковію особенно праздновать и воздавать хвалу Царицѣ небесной въ честь ея покровы и заступленія. Праздникъ этотъ учрежденъ по слѣдующему случаю. Въ царствованіе Льва Мудраго (VIII вѣк.) невѣрныя сарацины—племя арабовъ—огромными полчищами вторглись въ Грецію, дошли до Константинополя и окружили его. Греки не могли защищаться, упали духомъ и, какъ всегда христіане въ минуту бѣдствія, спѣшили въ храмы Божіи и тамъ единодушно молились о помощи Пресвятой Богородицѣ. Во время всеобщаго бдѣнія во Вла-

хернской церкви, — старѣйшей въ Константинополѣ, — вдругъ св. Андрей обратилъ вниманіе молящихся на чудесное знаменіе. На воздухѣ надъ церковію явилась Заступница, съ сонмомъ святыхъ молящаяся Богу и осѣняющая бывшихъ въ храмѣ честнымъ своимъ омофоромъ. Воодушевленные такимъ чудеснымъ знаменіемъ покровы Богородицы, греки крѣпко соединились христіанскимъ братскимъ единодушіемъ, дружно бросились на враговъ и прогнали сарацинъ за предѣлы отечества. Въ воспоминаніе такого чудеснаго знаменія и заступленія Богородицы, церковь весьма достойно установила одинъ день въ году праздновать общій праздникъ Покрова Богородицы.

Видиши ли, брате, Царицу и Госпожу всѣхъ, молящуюся о всемъ мірѣ, — спрашивалъ тогда св. Андрей Епифанія, ученика своего? Вижу, отче, и ужасаюсь, — отвѣчала Епифаній. Не для одного Епифанія достойны, братіе, удивленія дѣла заступленія и ходатайства о насъ предъ Богомъ Царицы и Владычицы. Кому и въ чемъ не помогала Матерь Божія по молитвѣ къ ней? Всегда и вездѣ, всѣмъ и каждому, во всякомъ добромъ дѣлѣ съ вѣрою къ ней притекающему, она являлась усердною заступницею и помощницею. Христіанская исторія полна безчисленныхъ примѣровъ ея св. покровы. Она помогала дѣльнымъ народамъ въ минуты народныхъ бѣдствій; она избавляла отъ несчастій дѣлые города; она являлась заступницей семействъ; она простирала постоянно св. руку помощи отдѣльнымъ лицамъ; она заступница сирыхъ, она покровительница вдовыхъ, она защитница юныхъ, она укрѣпленіе старцевъ, она помощь больнымъ и исцѣленіе немощствующимъ, она надежда безнадежныхъ, утѣшеніе скорбящихъ, алчущихъ кормильница, нагихъ одѣяніе и всѣхъ поможеніе и заступленіе, — такъ восхваляетъ ее церковь.

Божіей Матери самой, по личному горькому опыту, известно, что земная жизнь челоуѣка складывается болѣе изъ скорбей и печалей, и что челоуѣкъ, какъ-бы видимо ни казался счастливымъ, постоянно нуждается въ высшемъ покровительствѣ и заступленіи. Матерь Божія сама, несмотря на ея высокое святое положеніе, испытала въ сей жизни всю тяжесть жизненнаго бремени. Ей самой, непорочной, выпало на долю перенести въ земной жизни всевозможныя печали и огорченія, какія только могутъ посѣщать челоуѣка. Такъ, она, будучи ребенкомъ бѣднаго семейства, рано сдѣлалась сиротой. Сама съ ранней юности принуждена была, наряду съ другими женщинами, трудиться и добывать все необходимое для жизни личными заботами и попеченіями. Рано, какъ сирота, предназначена была въ замужество, — чего въ дѣйствительности не случилось лишь по особой св. волѣ и предвѣчнымъ цѣлямъ. Она, какъ всѣ женщины востока и ея положенія, сама своими руками пряла, ткала, шила, готовила пищу и исполняла всѣ женскія работы; каждый вечеръ сама ходила съ глинянымъ кувшиномъ на плечѣ или головѣ, по восточному обычаю, на родникъ за водой; нешвенный хитонъ Спасителя, раздѣленный у креста распинателями на части по жребію, кто что возьметъ, былъ спряденъ и сотканъ св. руками самой Богородицы. Горный источникъ близъ Назарета до нынѣ называется „источникомъ Пресвятой Матери“. Матерь Божія жила между такими людьми, о поведеніи которыхъ составила пословица: „отъ Назарета можетъ ли быть добро“, и съ равныхъ дней не лишена была людскихъ оскорбленій и нападокъ. Сдѣлавшись обручницею мужа Іосифа, Св. Дѣва горько преслѣдовалась клеветой и злобой людской. Она встрѣтила сомнѣніе въ своей дѣвственности и чистотѣ со стороны даже самого Іосифа. Ей,

носившей во св. утробѣ Господа, не нашлось даже другаго мѣста для совершенія акта рожденія, какъ внѣ роднаго дома, на пути въ нишахъ горнаго ущелія — вертепѣ, — въ мѣстѣ, гдѣ собирались начлежники (нѣчто въ родѣ нашего постоялаго дома) и гдѣ св. Дѣва, безъ участія и помощи въ такомъ случаѣ другихъ, сама принуждена была въ первый разъ отъ роду целенать ребенка Іисуса и положить въ ясли, вокругъ которыхъ ходили и ѣли мулы и др. скоть. Вотъ гдѣ и какъ пришлось Божіей Матери родить Сына Божія. И лишь случилось это обстоятельство, какъ младенцу Іисусу уже грозила опасность — быть убитому отъ Ирода; Матерь Божія, объятая страхомъ смерти Сына своего, принуждена была оставить родной кровъ и спастись бѣгствомъ въ Египеть, за предѣлы владѣнія Иродова. Припомнимъ здѣсь картину изъ св. исторіи. Идетъ Іосифъ; за нимъ и рядомъ съ нимъ медленно ступаетъ мулъ, на которомъ сидитъ Св. Дѣва, держа на св. своихъ рукахъ Предвѣчнаго Младенца. Пустыня (Аравія), одиночество путниковъ, грусть по оставленной родинѣ, — страхъ побѣга, зной восточнаго дня, ночлегъ подъ открытымъ небомъ, песокъ и камни по дорогѣ, орошаемые слезами Богоматери, содрагавшейся отъ представленія возможности убійства ея младенца Іисуса, — вотъ безотрадное шествіе св. семейства въ Египеть, гонимаго туда ужасомъ смерти. Преданіе прибавляетъ къ этому, что на пути въ Египеть на св. семейство напали разбойники, и, еслибъ одинъ изъ нихъ, удивленный величіемъ и красотой младенца — Спасителя, не уговорилъ товарищей оставить въ покоѣ св. путниковъ, то вѣдомо одному Богу — что могло случиться съ Іисусомъ и Его Матерью. Говорятъ, что уговорившій другихъ былъ тотъ самый разбойникъ, который первый съ Христомъ вошелъ со креста въ рай и научилъ

затѣмъ насъ говорить: помяни мя Господи, егда приидеши во царствіи твоёмъ. Въ Египтѣ, какъ на чужбинѣ, Матерь Божія должна была проводить, очевидно, гдѣ день гдѣ ночь, Иосифъ занятъ былъ дневнымъ заработкомъ. Такъ не въ радостяхъ и счастья проходила земная жизнь Богородицы. Но все вышеизложенное, такъ сказать, еще не выходило за предѣлы необычайности, — то были скорби въ границахъ еще силъ человеческихъ. Что было съ Матерію Божіею, когда она стояла у Креста Господня, когда видѣла, какъ злобленнаго Сына ея въ терновомъ вѣнцѣ величаво на лобное мѣсто, какъ били по ланитамъ, какъ толпа злодѣевъ — всякій по своему — издѣвалась надъ невиннымъ и, покивая главами, кричала: распни, распни Его! Материнское сердце ея разрывалось на части, когда предъ глазами ея притвождался ко кресту Сынъ Божій, когда поднимался крестъ съ распростертымъ на немъ Иисусомъ, когда лилася кровь и разрывались раны повисшаго тѣла Спасителя, когда въ жестокихъ мукахъ умиралъ ея Сынъ — Христосъ. Все это сама видѣла Божія Матерь, и терзанія ея были невыразимы, — сердце ея оружіе пройде.

Не говорить ли все это, сколько въ земной жизни сама Богородица пролила слезъ и сколько видѣла горя. Ей ли дочери Сіона, родившей Царя славы, было плакать и рыдать, страдать и скорбѣть; но и ея, говоримъ, земная жизнь слагалась изъ горя и страданій. Ей самой, Царицѣ Небесной, пришлось выпить до дна чашу земныхъ скорбей и наполнить ее слезами. Путешественникамъ, недаромъ, указываютъ вблизи Іерусалима цѣлую долину, усыпанную мелкими камушками, которые, будто — бы, породились отъ слезъ Богоматери.

Такъ, Матерь Божія, испытавъ сама всю тяжесть земныхъ несчастій, полна и преисполнена готовности помогать всѣмъ скорбящимъ и угнетеннымъ въ сей жизни.

Она еще во время земной жизни постоянно ходатайствовала за людей предъ Сыномъ Божиимъ. Сдѣлавшись же Царицей Небесной и сидя превыше Херувимъ, она постоянно молится за весь родъ человѣческій и за каждаго съ вѣрою къ ея покрову притекающаго.

Молитесь же, братіе, и прежде всего молитесь Божородицѣ и съ ней всему сонму Св. Угодниковъ Божиихъ, ихъ же Св. Андрей видѣлъ на воздухѣхъ. Аминь.

Священникъ Іаковъ Барсовъ.

Средство отъ золотухи.

Священникъ бугурусланскаго уѣзда Грекуловъ прислалъ въ „Сынъ Отечества“ слѣдующую замѣтку: Кто живетъ среди сельскаго населенія, тотъ по опыту знаетъ, какъ много дѣтей страдаютъ отъ золотухи. Эта болѣзнь то покрываетъ всю голову, а иногда и лицо младенца сплошнымъ струпомъ въ видѣ коры, то выходитъ въ видѣ шишекъ, которыя какъ будто лупятся, то поражаетъ глаза, давая себя знать прыщами на рѣсницахъ. Сельскіе жители прибѣгаютъ къ всевозможнымъ средствамъ для излѣченія золотухи, но вмѣсто пользы причиняютъ вредъ больному. Большею частію они кормятъ дѣтей пателью (очищенная мѣдь), которую называютъ сусальскимъ золотомъ. Иногда намазываютъ золотушный струпь чѣмъ попало, — даже дегтемъ, и препятствуютъ болѣзни пробиться наружу; послѣдствіемъ чего бываетъ истечение изъ ушей, сопровождающееся глухотою. При крестьянскомъ уходѣ за дѣтми въ лѣтнее время, даже заводятся черви въ ушахъ такихъ больныхъ. Средство, которое я предлагаю, не сложно и по цѣнѣ доступно самому бѣдному сельскому жителю. На весь курсъ лѣченія потребуется не болѣе полукопѣйки. Вотъ оно. Для лѣченія груднаго младенца, положить одинъ свѣжій, большой лав-

ровый листъ на чайный стаканъ обыкновенной воды, хорошо вскипятить и дать остыть. Потомъ давать младенцу по одной ложкѣ утромъ и вечеромъ. На другой день дать три ложки въ три приема или въ два по полторы. На третій день дать четыре ложки въ два или четыре приема, и т. д. увеличивать приемы на одну ложку до тѣхъ поръ, пока въ день будетъ расходоваться одна небольшая рюмка отвару. На этомъ слѣдуетъ остановиться и не увеличивать приема до тѣхъ поръ, пока младенецъ не будетъ совершенно здоровъ. По выздоровленіи не худо продолжать лѣчение еще нѣсколько дней, чтобы истребить и самый малѣйшій остатокъ золотушного яда въ организмѣ, незамѣтный для неопытнаго глаза. Въ противномъ случаѣ послѣдствія золотухи могутъ отразиться на глазахъ въ зрѣломъ возрастѣ. Начало съ малыхъ приемовъ и прогрессивное увеличеніе ихъ дѣлаются потому, что лѣкарство, принятое съ перваго раза въ большемъ количествѣ, дѣйствуетъ на желудокъ, какъ слабительное. Поэтому лучше приучить къ нему желудокъ постепенно. Дѣтямъ съ двухъ до пяти лѣтъ слѣдуетъ начинать приемы съ десертной ложки и увеличивать до большой рюмки на день; съ 4—10 лѣтъ—со столовой ложки и увеличивать до тѣхъ поръ, пока въ день будетъ расходоваться чайная чашка; 10—18 лѣтъ—съ небольшой рюмки и увеличивать до чайнаго стакана; въ прочихъ возрастахъ—съ рюмки до кваснаго стакана. Но при этомъ нужно класть лаврового листа на стаканъ воды: для дѣтей съ 5—10 лѣтъ—1½, съ 10—19 лѣтъ—два, въ прочихъ возрастахъ три листа. Больше 20 лѣтъ я употреблялъ этотъ способъ лѣченія золотухи среди сельскаго населенія и всегда съ хорошимъ успѣхомъ. Чтобы видѣть, на сколько быстро и вѣрно дѣйствуетъ это лѣкарство, опишу одинъ изъ послѣднихъ случаевъ лѣченія. Въ прошедшемъ великомъ посту, изъ сосѣднаго

селенія прїѣхали ко мнѣ мужъ и жена съ младенцемъ, на котораго страшно было взглянуть. Не только вся головка, но даже лицо и шейка были покрыты сплошнымъ золотушнымъ струпомъ. Глазъ было невидно, и на головѣ мѣстами было нагноеніе. Ребенокъ кричалъ безъ умолку. Почему вы не обратились къ земскому врачу? —спросилъ я родителей. Были, батюшка, не только у него, но и у самарскихъ докторовъ. Всѣ они даютъ какого-то жиру, отъ котораго ребенокъ кричитъ еще хуже. Цѣлыя ночи не спимъ съ нимъ. Онъ у насъ одинъ, и мы для него ничего не жалѣемъ, да пользы-то нѣтъ. Я рассказалъ имъ, какъ слѣдуетъ лѣчить младенца лавровымъ листомъ. Дней чрезъ десять они опять явились ко мнѣ съ младенцемъ. Малютка постоянно рѣвился и смѣялся на рукахъ у матери. Глазки были совершенно чисты, золотушнаго струпа не было и слѣда; но на головкѣ были двѣ красныя шишки, величиною съ простой орѣхъ, готовыя прорваться. Подъ правой щекой былъ нарывъ побольше. Это-то и испугало родителей младенца. Но это былъ конецъ золотухи. Я велѣлъ продолжать лѣченіе и нарывовъ не стало.

Поджареная соль, какъ средство противъ перемежающейся лихорадки.

Въ издающемся въ Марсели медицинскомъ журналѣ помѣщено сообщеніе д-ра Брокеса объ опытахъ, произведенныхъ имъ во время его путешествія въ Венгрію и Америкъ, при лѣченіи перемежающейся лихорадки. Онъ совѣтуетъ взять горсть мелко истолченной соли, положить ее на новую сковороду и поджаривать надъ огнемъ до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается цвѣта жаренаго кофе. Для взрослога человѣка достаточно одной столовой ложки этой соли, растворенной въ стаканъ теплой воды, на прїемъ. Повторять это по утрамъ; въ

промежутокъ между пароксизмами, и соблюдать при этомъ самую строгую діету. По увѣренію Брокеса, этотъ методъ лѣченія, впродолженіи 18-лѣтней его практики, ни разу не далъ отрицательнаго результата.

Пастырское вразумленіе авторамъ безыменныхъ писемъ.

„Не разъ я получалъ отъ неизвѣстныхъ людей безыменныя письма разнаго содержанія: *одни*—злбныя и пасквильныя, которыя стыдно и грѣшно писать добрымъ людямъ, въ особенности христіанамъ, да еще къ архіерею; *другія*—невинныя по содержанію, подъ коими всякій могъ смѣло подписать свое имя, напримѣръ о томъ, чтобы дешевле продавались просфоры и совершались въ извѣстныхъ церквахъ раннія литургіи; *иныя*, повидимому, благонамѣренныя, въ которыхъ сообщаются такія и другія свѣдѣнія относительно епархіи и подвѣдомственнаго мнѣ духовенства, и подъ коими сочинителямъ ихъ надлежало бы подписать свои имена, какъ въ доказательство справедливости того, о чемъ они говорятъ, такъ и для того, чтобы я могъ, въ случаѣ нужды, потребовать отъ нихъ поясненій по содержанію ихъ писемъ. Говорятъ, что подобныя письма получаютъ и другія лица, въ особенности—начальствующія. По этому я считаю своимъ пастырскимъ долгомъ сказать нѣчто для вразумленія тѣхъ, кои посылаютъ оныя. Именно:

1) Въ законѣ говорится, что „по доносамъ въ безыменныхъ пасквиляхъ и подметныхъ письмахъ не должно производить сѣдствія; но получившій такое письмо обязанъ, не читая, истребить его, или объявить о немъ полиціи, а безыменный сочинитель этого письма, открытый полиціею, отсылается къ суду уголовному“ (Сводъ законовъ т. IV, ч. 2. статья 52, и томъ XIV, Уставъ о предуп. и пресѣч. преступленій, ст. 148 и 159, изд. 1857

г.). Значить, кто посылает другимъ безыменныя письма, тотъ поступаетъ *противозаконно*, притомъ совершенно *напрасно*, потому что по такимъ письмамъ не можетъ быть никакого дѣлопроизводства и они должны оставаться безъ всякихъ послѣдствій.

2) Кто посылаетъ другимъ безыменныя письма и такимъ образомъ скрываетъ, что онъ сочинитель ихъ, тотъ самъ ясно показываетъ, что онъ или малодушенъ—не смѣетъ открыто высказать то, о чемъ говорить въ безыменномъ письмѣ, или дѣйствуетъ недобросовѣстно и пишетъ неправду: „*ибо всякій дѣлающій худыя дѣла*“, говоритъ Спаситель, „*ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы*“ (Иоан. 3, 20). Но честный, благородный и мужественный человѣкъ смѣло и открыто говоритъ правду.

3) Кто бранитъ другаго въ безыменномъ письмѣ, не смѣя обнаружить себя, тотъ уподобляется такому человѣку, который бросаетъ въ другихъ грязью, скрываясь за угломъ, т. е., показываетъ въ себѣ не только трусость, но еще злость и низость души. Онъ ясно поступаетъ вопреки ученію Христову, внушающему намъ никого не осуждать и не злословить, но *удаляться всякаго раздраженія, гнѣва и злоречія*, и дѣйствуетъ въ духѣ тѣхъ *беззаконниковъ*, которые, по выраженію Апостола, *презираютъ начальства, дерзки, своевольны, и не страшатся злословить высшихъ* (Рим. 14, 1—13. Тит. 3, 2. Ефес. 4, 41. 1 Петр. 2, 9—10).

4) Если ты желаешь благонамѣренно сообщить что нибудь другому, или обратить его вниманіе на собственные нехорошіе его поступки, но не хочешь сдѣлать сего гласно, то поступи такъ, какъ заповѣдуетъ Спаситель, говоря: *если содѣвшихъ противъ тебя братъ твой, пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ* (Мат. 18, 15). Если же ты, по чему либо, не можешь быть у него

для такого объясненія, то объяснись съ нимъ письменно —откровенно и благонамѣренно, какъ подобаеть христіанину, а вмѣстѣ попроси его въ письмѣ своемъ не разглашать твоего имени. Я не думаю, чтобы кто нибудь остался недоволенъ такимъ объясненіемъ и не исполнилъ твоей просьбы....

Платонъ, Архіепископъ Херсонскій.

(Оренбургск. Епарх. Вѣд. 1979 г. № 19).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Уфимское общество взаимнаго кредита

имѣеть честь довести до общаго свѣдѣнія, что оно открыло свои дѣйствія съ 25 Мая сего 1879 г. и, на основаніи утвержденного г. министромъ финансовъ устава, производить всѣ операции, присвоенныя банковымъ учрежденіямъ.

Въ настоящее время, впредь до измѣненія, общество

ПЛАТИТЬ:

- Повклад. безсрочн. $4\frac{1}{2}\%$ год.
- > > на 6 мѣсѣц. $5\frac{1}{2}\%$
- > " > 1 годъ 6%
- > > > 2 года $6\frac{1}{2}\%$
- > > св. 2 лѣтъ 7%

ВЗИМАЕТЬ:

- По учету торговыхъ векселей и по ссудамъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ государственныхъ и гарантиров. прavitельств.
- на 3 мѣсяца $7\frac{1}{2}\%$ годов.
- > 6 > 8%
- Подъ бумаги не гарантированныя, полпроцентомъ выше.

Общество это, основанное на самых прочных началах взаимнаго довѣрія членовъ, гарантирующихъ своюю отвѣтственностію производимыя операціи, имѣеть цѣлію доставлять своимъ членамъ, подъ векселя и залого, необходимые для торговыхъ, промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ дѣлъ капиталы, а прочимъ лицамъ—выгодно и надежно помѣщать свои сбереженія на вклады.

Членами общества могутъ быть разныя учрежденія, компаніи, и лица всякаго званія и обоого пола. О желаніи поступить въ члены подается правленію заявленіе, и въ случаѣ принятія пріемнымъ комитетомъ просителя въ члены, сей послѣдній вноситъ въ оборотный капиталъ общества сумму, по желанію своему, въ размѣрѣ отъ 50 до 500 руб. (т. е. 10% съ суммы своего обязательства, котрымъ онъ гарантировалъ операціи общества); затѣмъ поступившій въ члены имѣеть право на позаймствованіе въ обществѣ денегъ. Въ случаѣ выхода члена изъ общества, упомянутый взносъ возвращается ему сполна. За время же нахождения въ обществѣ этого капитала на него выдается ежегодно изъ прибылей соотвѣтственный дивидендъ.

Вклады денегъ для приращенія процентами принимаются какъ отъ членовъ, такъ и отъ постороннихъ лицъ, и вкладчику необязательно быть членомъ общества. Деньги на вклады могутъ быть присылаемы и чрезъ почту на имя правленія, съ указаніемъ на какой срокъ и на чье имя долженъ быть написанъ вкладный билетъ и чрезъ какой почтовый пунктъ высланъ. Правленіе общества находится въ г. Уфѣ, на торговой площади, въ

домъ купца Гирбасова, и открыто ежедневно съ 10 часовъ утра до часу по полудни, кромъ воскресныхъ и праздничныхъ дней. (3—1).

СОДЕРЖАНИЕ: Отдѣлъ Официальный.—Правительственныя постановленія и распоряженія.—Епархіальныя распоряженія.

Отдѣлъ Неофициальный.—О погребеніи умершихъ безъ напутствія и лицъ армяно-грегоріанскаго исповѣданія.—О покупкѣ свѣчъ для церквей изъ епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ или изъ общецерковныхъ въ епархіяхъ складовъ.—Празднованіе двухсотлѣтняго существованія храма во имя Покрова пресвятыя Богородицы при измайловской военной богадѣльнѣ, въ Москвѣ.— Слово въ день Покрова пресвятой Богородицы, произнесенное въ градоуфимской покровской церкви священникомъ Іаковомъ Барсовымъ.—Средство отъ золотухи.—Поджареная соль, какъ средство противъ перемежающейся лихорадки.—Пастырское вразумленіе авторамъ безыменныхъ писемъ.—Объявленіе.—Прибавленіе къ сему №.

Редакторъ, преподаватель Семинаріи Иванъ Любимовъ.

Печатать дозволяется. Уфа, 1 Ноября 1879 г.

Цензоръ Каѳедральный Протоіерей Павелъ Желателевъ.

Губернская Типографія.

Прибавл. къ № 17 Уфим. Епарх. Вѣд. 1879 г.

ЧАСТНАЯ ДИДАКТИКА.

Урокъ 8-й.

МЕТОДА.

Понятіе о методѣ вообще. Хотя точное понятіе и опредѣленіе метода составляетъ предметъ логики, но необходимо знать и педагогу, чѣмъ обусловливается метода и какое ея значеніе въ человѣческой дѣятельности. Если объекты человѣческаго познанія требуютъ методическаго познаванія, то тѣмъ болѣе потребна норма въ воспитательной дѣятельности, предметъ которой есть сложное существо—человѣкъ. Кроме этого, необходимость метода въ воспитательной дѣятельности вытекаетъ изъ условій происхожденія ея.

Въ вещественной природѣ всякая дѣятельность совершается по однообразнымъ законамъ, по цѣлямъ, неотдѣляющимся отъ средствъ и навсегда вложеннымъ Творцемъ въ дѣйствующія силы природы. Напр., день и ночь производятся посредствомъ вращенія земли, обусловленнаго силою тяготѣнія. Въ свободной же человѣческой дѣятельности цѣли и средства избираются умомъ и волей человѣка. Насколько однообразныя дѣйствія природы постоянны и неизмѣнны, настолько дѣятельность человѣка должна руководиться и направляться свободно избираемыми цѣлями и средствами и, стало быть, измѣняться въ цѣляхъ и средствахъ. Но такъ какъ человѣкъ не можетъ измѣнить ни своихъ способностей, ни природы вещей, то и въ дѣйствіяхъ человѣка должно быть однообразіе и постоянство. Это однообразіе и постоянство зависятъ отъ согласія нашей дѣятельности, цѣлей и средствъ съ природою нашихъ способностей и съ при-

родою вещей. Иными словами, это-то согласіе и есть *методъ*. Узнать методъ значить узнать, къ какой дѣятельности способны наши душевныя силы и какія свойства присущи вещамъ, которыя служатъ намъ орудіемъ, средствами въ дѣятельности. Т. о., методъ есть законъ нашихъ дѣйствій подобно тому, какъ грамматическія правила составляютъ законъ нашей рѣчи.

Особенности педагогической методы. Изслѣдованіемъ и опредѣленіемъ педагогической методы занимались педагоги: *Дистервегъ*, психологъ *Бенке* (1798—1854), *Грефе* (1798), *Карль Магеръ* изъ Пруссіи (1810—1848), посѣщавшій Петербургъ и Москву и разработавшій *генетическую* методу. Методъ въ наукѣ—не то, что метода въ педагогіи. Значеніе научнаго метода совпадаетъ съ филологическимъ значеніемъ слова „методъ“, а метода педагогическая, по своему значенію, шире научнаго метода. Греч. слова *meta—odos* означаютъ сопутствіе, преслѣдованіе, изслѣдованіе предмета, способъ изслѣдованія. *Metodos* на русскомъ языкѣ выражается двояко: *методъ* и *метода*. Последнее выраженіе употребляется педагогами.

Тогда какъ въ научной познавательной дѣятельности различаются два элемента, въ педагогической дѣятельности должно различать три элемента: лице дѣйствующее (воспитатель), цѣль или предметъ дѣйствія, и лице, на которое обращено дѣйствіе (воспитанникъ). Только дѣйствіе, сообразное съ природою трехъ элементовъ, можетъ считаться правильнымъ, или методическимъ. А полное и точное опредѣленіе методы будетъ то, которое обнимаетъ собою всѣ три элемента. По этому, должно считать не точнымъ и неполнымъ такое опредѣленіе: „методъ есть правильное дѣйствіе“, или „методъ есть дѣйствіе, сообразное съ цѣлю“, или „методъ есть единство цѣлей и средствъ“ (Дейнгардтъ). Точнымъ опредѣленіемъ педагогической методы должно считаться слѣдующее: *метода*

есть такой ходъ, способъ и форма воспитательнаго дѣйствія, въ которомъ цѣль достигается средствами, сообразными съ лицомъ дѣйствующимъ и съ лицомъ подверженнымъ дѣйствию. Общія научныя методы анализъ и синтезъ употребляются и въ обученіи. Но будучи применены къ природѣ дѣтей, эти два метода принимаютъ двойную форму: *акроаматическую*, или *эротематическую*. Т. о., а) въ зависимости отъ предмета обученія получаютъ общіе методы: анализъ и синтезъ; б) въ зависимости отъ законовъ умственнаго развитія дѣтской природы получаютъ спеціально педагогическія методы, или формы акроаматическая и эротематическая.

Понятіе о научномъ анализѣ и синтезѣ. Анализъ и синтезъ суть два общія научныя метода. Когда въ познаніи предметъ разлагается на части, явленіе—на условія происхожденія, событія—на обстоятельства; когда, вслѣдствіе разсматриванія порознь каждой составной части, получаютъ общее понятіе, законъ, основаніе, сила, когда открываютъ „въ сложномъ простое, въ цѣломъ части, въ производномъ первоначальное, въ данномъ отвлеченное, въ вещи признаки ея, въ видимомъ мыслимое“ (1), тогда такой способъ познаванія называется *анализомъ* (греч. *analio*, раздѣляю). Когда же познавательная дѣятельность совершается наоборотъ, т. е., принятое общее понятіе, законъ, сила прилагаются къ объясненію, или къ открытію новаго частнаго предмета, явленія, событія, когда получается „изъ простыхъ элементовъ что-либо сложное, изъ частей цѣлое, изъ основаній фактъ, изъ настоящаго познается прошедшее и будущее“ (2), тогда этотъ способъ познаванія называется *синтезомъ* (греч. *sinititimi*, слагаю, соединяю). Т. о., въ анализѣ ходъ мышленія идетъ

(1) Курс. общ. пед. Юркевича с. 259.

(2) Курс. общ. пед. Юркевича с. 260.

отъ частнаго, конкретнаго, сложнаго—къ общему, отвлеченному, простому; въ синтезѣ же—наоборотъ. Такъ какъ анализъ и синтезъ, „какъ вдыханіе и выдыханіе жизни науки“ участвуютъ оба въ каждомъ отдѣльномъ познавательномъ процессѣ, а разложеніе и сочетаніе встрѣчаются въ одномъ методѣ, то для раздѣльнаго различенія методовъ принимаютъ особые признаки. Въ анализѣ „разложеніе, изслѣдованіе частныхъ есть основаніе, а общее понятіе—выводъ; въ синтезѣ же общее служитъ основаніемъ, а понятіе о частномъ есть его выводъ“ (1)

„Послѣдняя цѣль анализа найти такія части, которыя уже ни въ какомъ отношеніи не суть цѣлое, послѣдняя цѣль синтеза найти такое цѣлое, которое уже ни въ какомъ отношеніи не есть часть“ (2).

Виды анализа и синтеза. (3) Какъ анализъ, такъ и синтезъ имѣютъ по три вида. Анализъ называется а) *прямымъ*, когда „разчленяется содержаніе мысли, или когда перебираются вѣличныя стороны факта, явленія, понятія, положенія“ и т. д. Въ примѣрѣ этого прямого анализа можно указать разложеніе извѣстнаго слова на звуки, разсмотрѣніе глобуса, карты, картины. б) Анализъ называется *возвратнымъ* (регрессивнымъ), когда „отыскиваются основанія мысли или причины факта и явленія“. Простое разсматриваніе вида земли есть прямой анализъ, а объясненіе шарообразности земли изъ дѣйствія силъ притяженія и вращенія есть возвратный анализъ. в) Анализъ называется *поступательнымъ*, или *прогрессивнымъ*, когда „мысль разлагается на свои послѣдствія, или когда объясняется изъ своихъ выводовъ“. При объясненіи отдѣльныхъ понятій употребляютъ прогрессивный ана-

(1) Филос. лекс. Гогоцкаго. Т. 1. Анализъ.

(2) Курсъ общ. пед. Юркевича с. 260.

(3) Логика Владиславлева отд. 4 гл. 2.

ливъ. Напр., учитель въ объясненіе подлежащаго говорить, что оно ставится въ именительномъ падежѣ; или въ объясненіе того, что такое благочестіе, говорить: благочестивый человекъ—счастливый, съ мирною совѣстію и живетъ безъ опасеній за будущее.

Когда ученикъ пойметъ, что отдѣльный звукъ *м* и другой—*а* даютъ вмѣстѣ *ма*, значить ученикъ употребляетъ а) *прямой синтезъ*, который собираетъ то, что было разложено анализомъ. Когда же на предложеніе учителя найти три слова съ звукомъ *р* ученикъ скажетъ: *соръ, рама, крестъ*; или если ученики, узнавъ, что такое промышленность добывающая и промышленность обрабатывающая, на вопросъ учителя скажутъ: первая зависитъ отъ плодородной почвы, а вторая—отъ неплодородной, то значить, что мышленіе учениковъ въ данныхъ случаяхъ шло б) *синтезомъ обратнымъ*. Здѣсь „мышленіе идетъ отъ данныхъ мыслей къ предполагаемымъ ими, первоначальнымъ условіямъ, основаніямъ, причинамъ“. Цѣль этаго синтеза—связать данныя познанія въ одно цѣлое посредствомъ предполагаемаго условія, или основанія. Когда ученикъ, на вопросъ: что будетъ съ произведеніемъ, если множимое и множителя увеличить вдвое, скажетъ, что и произведеніе увеличится вдвое, то такой отвѣтъ зависитъ отъ употребленія в) *поступательнаго синтеза*, идущаго „отъ основаній къ слѣдствіямъ“. Поступательный анализъ и синтезъ, опредѣляясь одинаково, разграничиваются между собою тѣмъ, что при анализѣ въ извѣстномъ заученномъ основаніи открываются неизвѣстныя слѣдствія, объясняющія основаніе, при синтезѣ, по поводу одного извѣстнаго слѣдствія, открываются другія слѣдствія изъ предполагаемаго основанія, связывающаго всѣ слѣдствія въ одно цѣлое. Напр., фраунгоферовы линіи въ спектрѣ, обличая присутствіе извѣстнаго металла, служатъ средствомъ открытія этого метал-

ла на нѣкоторыхъ планетахъ. Изъ этого примѣра видно важное значеніе поступательнаго синтеза.

На основаніи анализа дѣлается *отвлеченіе* и *наведеніе*, на основаніи синтеза—*классификація* (искусственная) и *выводъ*.

Общіе научные методы во всѣхъ своихъ видахъ прикладываются и къ обученію. Только анализъ и синтезъ въ педагогикѣ часто имѣютъ обратное значеніе. „Съ начала нынѣшняго столѣтія подѣ аналитическимъ методомъ въ педагогикѣ стали разумѣть тотъ путь, который ведетъ отъ основаній (принциповъ) къ обоснованному, отъ условій къ обусловленному, а противоположный путь называютъ синтетическимъ. Причина такого превращенія въ словоупотребленіи точно не изслѣдована“. (1). Но для удобства и ясности лучше пользоваться въ Дидактикѣ общепринятымъ значеніемъ анализа и синтеза.

Въ Дидактикѣ различаютъ еще такъ называемую *генетическую* методу, которая, по Линднеру, „состоитъ въ томъ, что при передачѣ какого-нибудь знанія мы обращаемъ вниманіе на всѣ его части, въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ“. Очевидно, генетическая метода есть видъ синтеза, которая, впрочемъ, должна быть подготовлена предварительнымъ анализомъ. Генетическая метода болѣе всего приложима при обученіи письму, гдѣ буквы постепенно составляются изъ элементовъ.

Правила употребленія анализа (2). 1) „Анализъ долженъ употребляться тамъ, гдѣ мышленію приходится имѣть дѣло съ предметами сложными или темными и запутанными“. По Дистервегу, анализъ долженъ употребляться при обученіи „*грамматикѣ*—переходъ отъ предложенія

(1) Рук. къ препод. общеобразоват. предметовъ Весселя. Т. 2 стр. 118.

(2) Логика Владиславлева. Отд. 4 гл. 2.

къ словамъ и звуку; при обученіи *письму*—разложеніе буквъ на основныя и волосныя черты; при обученіи *чтенію исторіи*—переходъ отъ событій современныхъ къ событіямъ прежнихъ временъ; при обученіи *географіи* переходъ отъ земнаго шара къ отдѣльнымъ частямъ земной поверхности“ и т. п. (1).

2) „Анализъ долженъ быть постепеннымъ, т. е., онъ долженъ начинать съ болѣе доступнаго, очевиднаго, внѣшняго и идти къ болѣе трудному, менѣе очевидному, къ внутреннимъ сторонамъ предмета. Въ силу этого правила должно начинать съ прямого анализа и потомъ переходить къ возвратному и поступательному“. Напр., анализъ чтенія долженъ начинаться съ разложенія рѣчи на предложенія, предложеній на слова, словъ на слоги, а слоговъ на звуки.

Правила употребленія синтеза (2). 1) „Не слѣдуетъ начинать прямо съ синтеза: необходимо изслѣдовать предметъ въ его подробностяхъ, разчленивъ его на составныя части; тогда только можно видѣть, въ какую форму, въ какомъ направленіи возможно слагать ихъ въ одно цѣлое“. Въ Дидактикѣ особенно должно начинать съ анализа, по наглядности этого метода и по его развивающему характеру. Дидактическое правило: начинать съ извѣстнаго и потомъ переходить къ неизвѣстному—есть ничто иное, какъ требованіе анализа. Кто разсматриваетъ аналитически, тотъ упражняетъ и разумъ, и воображеніе, и память.

2) „Синтезъ не долженъ быть слишкомъ торопливымъ: онъ долженъ прежде всего идти къ ближайшимъ обобщеніямъ и когда нѣтъ основаній идти далѣе, долженъ останавливаться на ближайшихъ ступеняхъ обобщенія“.

(1) Учит. 1864 г. № 1 стр. 25.

(2) Логика Владиславлева. Тамъ же.

3) Такъ какъ въ дѣйствительности нѣтъ ни предмета безъ частей, ни частей отдѣльно отъ предмета, то въ познаніи, какъ и при обученіи, анализъ всегда и постоянно долженъ смѣняться синтезомъ. Напр., при обученіи чтенію однимъ разложеніемъ словъ на звуки нельзя научиться чтенію.

Урокъ 6-й.

Формы обученія,

или способы сообщенія свѣдѣній

ученикамъ (1).

Форма обученія есть видъ метода. „Подъ *формой* обученія разумѣется *приемъ*, посредствомъ котораго учитель приводитъ учениковъ къ усвоенію свѣдѣній изъ учебнаго предмета. Форма обученія составляетъ одну изъ сторонъ, одинъ изъ элементовъ метода обученія, въ обширномъ смыслѣ этого слова“.

Отличіе формы отъ метода. „Смѣшивать форму обученія съ методомъ обученія значитъ смѣшивать частное съ общимъ.“ Въ методъ обученія, въ обширномъ смыслѣ этого слова, входятъ и *расположеніе содержанія*, и *ходъ мышленія*, опредѣляющіеся предметомъ обученія, *форма обученія* и *духъ обученія*, опредѣляющіеся лицомъ обучающимъ и обучаемымъ.

Совпаденіе и несовпаденіе извѣстной формы обученія съ извѣстнымъ методомъ. Неосновательно было бы думать, что та или другая форма обученія соотвѣтствуетъ тому

„(1) Общія методическія положенія по обученію отечественному языку“ К. Ельницкаго, въ Семѣѣ и Школѣ за 1878 г. Январь кн. II.

или другому ходу мышленія, или методу. Такъ, несомнѣтельно, напримѣръ, думать, что эвристическая форма наиболѣе соотвѣтствуетъ индуктивному ходу мышленія, а излагающая—дедуктивному. При каждой формѣ обученія можно идти или индуктивнымъ, или дедуктивнымъ путемъ. Правда, что индукція, будучи наиболѣе примѣнима при элементарномъ обученіи, такъ какъ здѣсь приходится идти отъ частнаго къ общему, отъ конкретнаго къ отвлеченному,—часто идетъ попутно съ эвристической формой обученія, тоже наиболѣе примѣнимой при элементарномъ обученіи. Но, соприкасаясь только при извѣстныхъ условіяхъ, форма обученія и путь мышленія могутъ не совпадать при другихъ. Даже и при элементарномъ обученіи нерѣдко приходится возбуждать эвристической формой обученія дедуктивный ходъ мышленія, а при излагающей формѣ преподаванія слѣдовать индуктивному ходу мышленія.

Два рода формъ обученія. Такъ какъ учитель можетъ двояко пользоваться орудіемъ преподаванія—словомъ, то въ зависимости отъ этого происходятъ двѣ главныя формы обученія. Когда учитель излагаетъ преподаваемый предметъ, а ученики слушаютъ, то эта форма преподаванія называется *акроаматическою* (греческ. *acromaticos*, слышимый, говоримый) или *сообщающею*. Когда учитель спрашиваетъ учениковъ, какія ихъ мысли о предметѣ преподаванія, а ученики отвѣчаютъ и когда, такимъ образомъ, попеременно пользуются словомъ, то эта форма преподаванія называется *эротематическою* (греч. *eroteme*—спрашиваю, изслѣдую, отыскиваю), или *вопросо-отвѣтною*.

Послѣдняя форма обученія имѣетъ два вида: а) *катехизическую* форму преподаванія (греч. *catichizo*, наставляю, учу), когда учитель посредствомъ вопросовъ, а иногда и своихъ отвѣтовъ, сообщаетъ ученикамъ свѣдѣнія изъ учеб-

наго предмета и б) *эвристическую* (греч. *eugisco*, случайно нахожу, открываю) когда учитель, углубляя учениковъ своими вопросами въ предметъ обученія, помогаетъ имъ самимъ открыть требуемыя истины.

Къ эротематической формѣ обученія можно еще присоединить третій видъ ея *диалогическую* форму обученія, или *разговорную*. Такъ какъ эта форма обученія употребляется съ цѣлями вызвать новыя мысли у учениковъ, обнаружить ихъ неправильныя понятія и сужденія, то она называется еще *сократической*, по имени Сократа.

Къ акроаматической формѣ обученія тоже присоединяютъ особый видъ ея—*деиктическую* (греч. *deinimi*, показываю), или *показывательную* форму обученія. Она употребляется при механическомъ обученіи чтенію, черченію, и состоитъ въ показываніи образца, которому ученикъ долженъ подражать.

По Дистервегу «собственно есть только двѣ методы, *догматическая* (акроаматическая), сообщающая ученику готовый матеріаль для изученія, и *эвристическая*, заставляющая ученика, съ помощію учителя, производить матеріаль новыхъ представленій и понятій. Всѣ прочія методы смѣшаны изъ этихъ двухъ методъ» (1).

Сущность акроаматической формы обученія. Излагающая, или сообщающая (акроаматическая) форма состоитъ въ томъ, что учитель рассказываетъ ученикамъ содержаніе учебнаго предмета, а тѣ слушаютъ и такимъ образомъ усваиваютъ излагаемое. Активнымъ лицомъ здѣсь является, главнымъ образомъ, учитель, ученики же только воспринимаютъ сообщаемое имъ.

Указаніе времени примѣненія акроаматической формы обученія. а) *Относительно возраста и степени развитія учащихся.* „Акроаматическая форма преподаванія пригодна

(1) Очерк. ист. воспит. и обуч. Модзалевскій ст. 713.

на самой первой ступени начальнаго ученія, когда ученики еще вовсе не знают преподаваемаго предмета и совершенно не умѣютъ выражаться. Потому эта форма примѣнима на высшей ступени общеобразовательнаго ученія, когда ученики на столько уже развиты и подготовлены, что могутъ правильно воспринимать и усваивать связанное и послѣдовательное изложеніе учителя“. (1) По Дистервегу, „акроаматическая метода можетъ быть примѣняема къ начинающимъ говорить дѣтямъ, у которыхъ замѣтна поразительная жажда звука и слова, или къ зрѣлымъ мыслящимъ и самостоятельнымъ юношамъ, когда преподается цѣлый предметъ въ научной формѣ“ (2).

б) Относительно того, *въ какой части дневнаго занятія* должна быть употребляема акроаматическая форма, слѣдуетъ наблюдать учителю, способны ли дѣти слѣдить за связнымъ рассказомъ. Естественно связнымъ преподаваніемъ начинать урокъ, когда вниманіе дѣтей еще свѣжо и можетъ быть довольно напряженно, чтобы цѣликомъ выслушать, замѣтить сообщаемое учителемъ.

в) Относительно *содержанія преподаваемаго*, акроаматическая форма употребляется вообще тамъ, гдѣ учитель излагаетъ ученикамъ что—либо новое, совершенно до того времени неизвѣстное имъ. По Дистервегу, „учебные предметы можно подраздѣлить на два главные разряда: историческіе и раціональные. Содержаніе первыхъ есть нѣчто данное, положительное, реальное; а содержаніе послѣднихъ вытекаетъ изъ законовъ духовной природы человѣка, изъ человѣческаго мышленія. Къ первымъ принадлежатъ исторія, географія и т. д.; ко вторымъ—грамматика, математика и т. д. Есть предметы и смѣшаннаго

(1) Рѣковод. къ препод. общеобразоват. предмет. Весселя т. 2 стр. 130—1.

(2) Очерк. ист. восп. и обуч. Модзалевскій стр. 713.

содержанія (вѣроученіе). Всякое историческое, всякое положительное знаніе должно быть сообщаемо, а не развиваемо. Здѣсь требуется, чтобы дѣло было правильно понято, твердо удержано въ памяти и потомъ вѣрно выражено. Поэтому въ преподаваніи должна употребляться акроаматическая метода, повѣряемая катихизическою“ (1).

Правила примѣненія акроаматической формы (2). а) *Ясность*. „Изложеніе хотя и должно сообразоваться съ важностью предмета, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно должно быть просто, ясно, доступно, вразумительно дѣтямъ“.

б) *Качество рѣчи*. „Слогъ и языкъ, при правильности, долженъ приравливаться къ пониманію дѣтей. Рѣчь, состоящая изъ длинныхъ періодовъ, или переполненная непонятными дѣтямъ словами, напр., иностранными, научными, техническими—неумѣстна для разказа дѣтямъ“.

в) *Выразительность рѣчи*. „Учитель долженъ разсказывать внятно, раздѣльно, съ надлежащею интонаціею, достаточно, но неслишкомъ громко, безъ выкрикиванія отдѣльныхъ словъ. Каждая мысль, каждое слово разказа не должны остаться безъ дѣйствія на сознаніе учениковъ. Дѣти вообще съ удовольствіемъ слушаютъ доступные и интересные разказы и охотно повторяютъ разсказанное имъ“.

г) *Перерывы въ разказъ*. „Прибѣгая къ разказу, какъ средству сообщить свѣдѣнія, учитель не долженъ, напр., забывать, что чѣмъ моложе ученики, чѣмъ они менѣ развиты, тѣмъ менѣ способны слѣдить за длинною, непрерывною рѣчью учителя. Разказъ въ такомъ случаѣ слѣдуетъ прерывать вопросами, направленными или къ воспроизведенію разсказаннаго, или къ разъясненію труд-

(1) Очеркъ ист. воспит. и обуч. Модзалевскаго ст. 714.

(2) Ст. Ельницк. С. и Шк. 1878 Январь.

ныхъ мѣсть въ разсказѣ, или къ возобновленію въ сознаниі учениковъ тѣхъ фактовъ, которые необходимы для пониманія дальнѣйшаго разсказа“.

д) *Усвоеніе разсказа и повтореніе его.* „Чтобы сообщенное путемъ разсказа было сознательно усвоено учениками, учитель, послѣ изложенія, привлекаетъ ихъ вопросами не только къ передачѣ изложеннаго, но и къ умственной переработкѣ его“:

Части разсказа. Когда уму нашему предстоитъ познание предмета, умъ употребляетъ различные способы въ началѣ процесса познанія, срединѣ и концѣ. Тотъ же полный процессъ познанія совершается и удѣтей, когда передается имъ въ формѣ разсказа какой либо фактъ природы, или историческое событіе. Для полного раздѣльнаго усвоенія дѣтьми излагаемаго предмета требуется, чтобы разсказъ сообразовался съ способами познания и состоялъ изъ частей.

1) **Обозначеніе.** Умъ нашъ постепенно входитъ въ распознаваніе предмета. При ощущеніи и при представленіи мы сначала констатируемъ, утверждаемъ дѣйствительность предмета ощущаемаго, или представляемаго. Это первая ступень познанія. Заканчивается эта ступень тѣмъ, что мы составляемъ общее представленіе о предметѣ, или образуемъ, такъ сказать, общій образъ предмета, безъ раздѣленія въ немъ составныхъ частей и безъ яснаго отличія отъ другихъ подобныхъ предметовъ.

Значеніе этого общаго представленія о предметѣ для подробнаго познанія на слѣдующихъ ступеняхъ такое же, какое значеніе имѣетъ предварительный конспектъ предъ подробнымъ изложеніемъ. Способъ познанія ума—здѣсь болѣе пассивный, чѣмъ активный, потому что предметъ не познается въ собственномъ смыслѣ, а только воспринимается, созерцается.

Соотвѣтственно этой ступени познанія, первая часть

разказа должна состоять въ *обозначеніи* предмета. По цѣли этой части разказа а) обозначеніе должно быть кратко, должно выражаться въ формѣ одного предложенія; б) слова, выражающія предметъ разказа, должны быть просты, понятны, точны; в) въ обозначеніи должно избѣгать многословія и фигуральныхъ выраженій.

2) **Разсказываніе** соответствуетъ подробному разсматриванію предмета и составляетъ вторую часть разказа. Сообразно съ различнымъ содержаніемъ разказа онъ имѣетъ три различныя цѣли: а) или *объясненіе* предмета, б) или *описаніе* предмета, или в) *повѣствованіе* о событіяхъ прошедшихъ. Объясненіе, описаніе и повѣствованіе составляютъ три отдѣльныя формы разказа.

а) **Объясненіе** должно давать точное понятіе о предметѣ разказа, а съ другой стороны, должно дѣлать понятными входящія въ обозначеніе термины, техническія слова, названія искусственныхъ и естественныхъ предметовъ. Поэтому оно должно состоять а) въ переводѣ иностранныхъ словъ; б) въ развитіи общаго представленія о предметѣ разказа, т. е., въ указаніи существенныхъ признаковъ предмета, подробное разсматриваніе которыхъ относится ко второй части разказа.

б) **Описаніе** употребляется при разказѣ о предметахъ совершенно незнакомыхъ, потому отличающихся сложностію и большимъ количествомъ признаковъ. Преимущественно предметы изъ исторіи, географіи, разсказываются въ формѣ описательной. Отъ описанія требуется: а) чтобы незнакомыя черты незнакомаго предмета описывались извѣстными дѣтямъ чертами предметовъ, напр., степь Сахара подходящей и знакомой дѣтямъ мѣстностью. Описанія вообще должны расширять опыты дѣтей. б) „Признаки отвлеченные въ описаніи должно замѣнять признаками наглядными“ (1). в) Описаніе должно вести по такому

(1) Курсъ общей педаг. Юркевича стр. 273.

плану, чтобы все частныя черты описанія представляли въ своей совокупности цѣльную картину, выражающую одну какую либо идею. г) Чтобы описаніе было живо, художественно, требуется отъ учителя особое искусство, которому учитель можетъ научиться отъ великихъ талантовъ литературы (1).

в) **Повѣствованіе.** Когда рассказъ имѣетъ цѣлю не объясненіе и описаніе, а изложеніе историческихъ событій въ ихъ временной и внутренней причинной связи, тогда рассказъ называется *повѣствованіемъ*. Повѣствованіе „единственный родъ преподаванія, который поддерживаетъ вниманіе дѣтей сряду долгое время“. Сообразность этой формы сказа съ природою дѣтей подтверждается любовью дѣтей къ сказкамъ, баснямъ и анекдотамъ. Значеніе повѣствованія состоитъ собственно въ томъ, что этой формой сказа упрощается усвоеніе мудреныхъ предметовъ. „Содержаніе идей моральныхъ, эстетическихъ, религіозныхъ, становится близко и понятно намъ тогда, когда оно какъ бы изливается въ соотвѣтствующую исторію“ (2). Какое значеніе имѣетъ описаніе въ рассказѣ о предметахъ природы, такое же значеніе имѣетъ и повѣствованіе о дѣяніяхъ людей. „Повѣствованіе настраиваетъ дѣтей такъ, какъ будто они находятся при совершеніи самыхъ событій“.

а) Въ повѣствованіи, какъ и въ описаніи, совокупность отдѣльныхъ событій должна имѣть единство и цѣльность.

б) „Повѣствованіе должно излагаться не кратко, а подробно до наглядности; иногда оно можетъ переходить въ описательность. Дитя хочетъ знать все въ подробности; ему ничего не должно оставлять самому додумывать; что взрослымъ кажется избитымъ, то для дитяти еще но-

(1) Курсъ общ. педаг. Юркевича стр. 274.

(2) Тамъ же стр. 274.

во“ (1). Если рассказы бывают скучны, то это от того, что событіямъ не достаѣтъ всей индивидуальности, не достаѣтъ плоти и крови, которыми обозначается дѣйствительность (2).

в) „Въ повѣствованіи не должно утомлять дѣтей разсужденіями; пусть событія говорятъ сами за себя“. Ученикамъ предоставляется самимъ изъ повѣствованія усматривать внутренній смыслъ.

г) „Какъ описаніе имѣетъ краски, такъ повѣствованіе имѣетъ тонъ, въ которомъ выражается настроеніе повѣствователя“.

Для повѣствованія требуется внутренній миръ, гармонія душевныхъ состояній, взглядъ на событія свѣтлый, въ которомъ бы не слышалось отвращенія или раздраженія по поводу рассказываемыхъ лицъ и событій (3).

3) **Разсужденіе.** Послѣ того, какъ предметъ рассмотрѣнъ и понятъ во всей подробности, дальнѣйшая и окончательная работа ума состоитъ въ приспособленіи новаго познанія къ старому. Задачу этого приспособленія поставляютъ въ общій, въ сужденіи о рассказанномъ предметъ. Для этой цѣли извлекаютъ изъ рассказа существенныя черты объясненнаго предмета и отводятъ предмету принадлежащее ему мѣсто въ ряду другихъ предметовъ. Эта третья и послѣдняя часть рассказа называется *разсужденіемъ*.

Для достиженія цѣлей разсужденія употребляются различныя средства.

а) *Сравненіе* рассказаннаго историческаго событія съ однородными событіями приводитъ путемъ аналитическаго обобщенія и отвлеченія или къ историческимъ поня-

(1) Руководство къ обуч. Шварца т. 2 стр. 29.

(2) Курсъ общей педагогика Юркевича стр. 276.

(3) Курсъ общей педагогика Юркевича стр. 275.

тіямъ, напр., эпоха, реформа, или къ историческимъ истинамъ: естественныя богатства государства дороже и прочіе внѣшнихъ пріобрѣтеній; благодѣтельныя внутреннія реформы создаютъ богатый, образованный и честный народъ; какова земля, таковы и люди. Путемъ сравненія жизни и дѣятельности лицъ составляются краткія характеристики, напр., у Пушкина о Петрѣ Великомъ: „То математикъ, то герой, то мореплаватель, то плотникъ, онъ всеобъемлющей душой на тронѣ вѣчный былъ работникъ“.

б) *Извлеченіе* изъ бытоваго или моральнаго разсказа общихъ понятій, дающихъ смыслъ и значеніе разсказу. „Эти общія понятія, какъ острые ножи, разсѣкаютъ фактъ и даютъ видѣть его разнородное содержаніе, а поэтому количество познаній пропорціонально количеству извлеченныхъ общихъ понятій“ (1). Эти общія понятія, рельефно выражающіяся въ русскихъ пословицахъ, рѣзко запечатлѣваются въ умѣ и памяти дѣтей и образуютъ полезныя истины—экономическія, бытовыя, моральныя и даже религіозныя. Напр., изъ незамысловатаго разсказа у Водовозова объ Антошѣ, который потерялъ порученныя ему деньги и напрасно разыскивалъ ихъ по дорогѣ, извлеченныя понятія наглядно выражаются въ пословицахъ: „чужаго не хватай, своего не бросай; что съ возу упало, то пропало“.

в) При разсказахъ изъ Св. Исторіи, какъ и при нѣкоторыхъ бытовыхъ разсказахъ, полезно извлеченныя понятія выражать въ библейскихъ изреченіяхъ, въ родѣ: *не судите, да не судими будете; языкъ—лпгота неправды; Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.*

Дейктическую форму обученія, составляющую видъ

(1) Курсъ общей педаг. Юркев. с. 278.

акроаматической формы, разработалъ педагогъ—практикъ Денцель (см. стр. 24). Деиктическое обученіе должно, по Денцелю, предшествовать всякому другому. „Первое ученіе можетъ только *давать*; сперва слѣдуетъ *показать* дѣтямъ то, что они должны усвоить, а потомъ уже можно будетъ выводить изъ внутри, изъ духа ихъ“.

Правила деиктической формы обученія.

а) „При показываніи предмета, или его модели, учитель долженъ, съ полною ясностію и точностію, перечислить и обозначить всѣ замѣтные внѣшніе признаки предмета“.

б) „Учитель не долженъ заразъ показывать дѣтямъ нѣсколько предметовъ и не долженъ переходить къ другому предмету прежде, чѣмъ первый предметъ будетъ отчетливо усвоенъ дѣтьми, по всѣмъ признакамъ его“.

в) „Съ показываніемъ должно быть соединяемо описаніе предмета, и все, что при этомъ говоритъ учитель, должны повторять и дѣти. Такъ какъ здѣсь имѣется въ виду научить дѣтей самихъ говорить, то дѣти должны больше говорить, чѣмъ учитель“ (1).

Недостатокъ акроаматической формы обученія состоитъ въ томъ, что при этой формѣ обученія бываетъ слаба умственная дѣятельность учениковъ. Ученики болѣе пассивно воспринимаютъ понятія, сообщаемыя учителемъ въ готовой развитой формѣ. Такъ какъ въ обученіи, по Дистервегу, должно преимущественно преслѣдовать цѣль формальную, то при обученіи въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ должно обращать вниманіе на развитіе. Это развитіе болѣе всего достигается употребленіемъ эротематической формы обученія во всѣхъ ея видахъ.

(1) Руковод. къ обуч. Весселя т. 2-й с. 137—8.

Урокъ 10-й.

Эротематическая форма обученія и виды ея.

Исторія развитія эротематической формы обученія. Разработкой этой формы обученія занимались Сократъ, учителя христіанскихъ школъ въ началѣ христіанства, Песталоцци и Динтеръ. Эротематическая форма обученія получила свое начало въ „повивальномъ искусствѣ“ Сократа, а имя „катихетики“ въ христіанскихъ школахъ.

Какъ отцомъ акроаматической формы считается греческій философъ Пифагоръ (570 г. до Р. Хр.), у котораго ученики въ продолженіи трехъ лѣтъ слушали учителя и воздерживались отъ вопросовъ, такъ отцомъ эротематической формы считается *Сократъ* (469 г. до Р. Хр.). Основаніе употребленія эротематической формы было одно какъ у Сократа, такъ и у христіанскихъ учителей. Чтобы вызывать вопросами скрывающееся знаніе, нужно быть увѣреннымъ, что духу человѣка прирождены начала знаній. Слушатели Сократа, по поводу его вопросовъ, „сами открывали въ самихъ себѣ чрезвычайно много прекраснаго и упрочивали его за собой“ (слова Сократа). Учитель церкви Тертуліанъ сродность и прирожденность христіанскихъ истинъ душѣ человѣка выражалъ такъ: „душа человѣка—по природѣ христіанка“. На основаніи присущихъ духу человѣка познавательныхъ и религіозныхъ началъ (1), Сократъ, какъ и учителя христіанства исходили дедуктивно изъ этихъ началъ и построили, развивали новыя познанія индуктивно. По Аристотелю, Сократу должно приписать двѣ вещи: нахожденіе высшихъ понятій съ помощью низшихъ

(1) По Сократу: „сознаніе истины и Божества прирождено по природѣ человѣка“.

чрезъ индукцію, и способъ общаго опредѣленія понятій“ (1). Задача эртематической формы полно выражена у Сократа. Путь рѣшенія этой задачи Сократомъ тоже стоить вниманія. Признаваемые въ душѣ челоуѣка истины Сократъ вызывалъ вопросами. Иначе, изъ суммы многихъ однородныхъ явленій Сократъ помогалъ вопросами выдѣлять случайное отъ существеннаго и такимъ образомъ помогалъ посредствомъ вопросовъ, путемъ индукцій, сознать, открывать общую истину, понятіе. После этого оставалось только приискать выраженіе найденной истинѣ, или оставалось составить опредѣленіе. Эртематическая форма у Сократа совпадала не столько съ аналитическимъ методомъ, сколько съ синтетическимъ.

Учителя первой христіанской школы Александрійской, вмѣсто опредѣленнаго жалованья, пользовавшіеся вознагражденіемъ со стороны слушателей, обучали посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ, или „*катихизированія*“. Школы съ такимъ способомъ обученія стали называться „*школами катихетовъ*“, а преподаваемая наука „*катихетикою*“. Въ началѣ, предметомъ обученія было познаніе основныхъ догматовъ христіанской религіи, а въ послѣдствіи способомъ катихизированія обучали христіанское юношество какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ наукамъ. Цѣль и способъ употребленія катихизаціи у христіанскихъ учителей въ общемъ была сходна съ сократовскою методою. „Оригенъ (185 г.), прежде чѣмъ обучать учениковъ, сначала испытывалъ ихъ съ помощію извѣстныхъ вопросовъ и старался устранить въ нихъ замѣченные недостатки. Этимъ онъ предварительно располагалъ и подготавливалъ ученика къ принятію истины“ (2). Св. *Іоаннъ Златоустъ* (347 г.) выразилъ цѣль катихизированія такъ:

(1) Очеркъ истор. восп. и обуч. Модзалевск. ст. 90.

(2) Очеркъ истор. восп. и обуч. Модзалевскаго ст. 205.

„смотри, какъ Христосъ всегда раскрывалъ не все вдругъ, но сначала ставилъ своего слушателя въ затрудненіе, чтобы онъ самъ доискивался смысла сказаннаго; и за тѣмъ, не умѣя помочь себѣ, тщетно напрягая свой разумъ, онъ съ гораздо большимъ рвеніемъ принималъ искомое, когда оно раскрывалось ему, и тѣмъ болѣе возбуждался къ внимательному слушанію“ (1).

Катихизація въ приложеніи къ практикѣ обученія оказалась далеко не соответствующей съ ея развивающими цѣлями и задачами. Это зависѣло отъ двухъ причинъ; выпустили изъ виду основаніе эротематической формы обученія и познаніе черпали не изъ того источника, изъ какого слѣдовало бы. Въмѣсто того, чтобы извлекать познаніе изъ учениковъ вопросомъ—отвѣтнымъ способомъ, „вопросы и отвѣты писались заранее и ученики должны были заучивать ихъ наизусть, часто совершенно не понимая смысла ихъ. Поэтому катихизическая форма не имѣла развивающаго значенія, а служила только механическимъ средствомъ, облегчающимъ механическое запоминаніе“ (2).

Кромѣ этихъ недостатковъ, *Песталоцци* указалъ еще отрицательныя стороны въ катихизическомъ способѣ обученія и такимъ образомъ отрицательно содѣйствовалъ разработкѣ эротематической формы. Въ зависимости отъ сущности катихизаціи учебный матеріалъ, изложенный въ вопросо—отвѣтной формѣ, подвергается большому дробленію, сопоставленію не только съ соприкосновенными предметами и фактами, но часто и отдаленными, выражается не краткой и точной рѣчью, а многословной и съ повтореніями. Поэтому естественны недостатки, указанные *Песталоцци* въ катихизическомъ способѣ: растя-

(1) Очеркъ истор. восп. и обуч. Модзал. стр. 208.

(2) Руковод. къ преподав. Весселя т. 2 стр. 135.

нутость учения, недостаточная основательность его, излишняя многопредметность, препятствующая сознательному усвоению преподаваемого учебного предмета (1). Эти недостатки послужили для Динтера исходным пунктом въ обработкѣ катихизаціи, какъ школьной методы преподаванія (2).

Фридрихъ Динтеръ, (1760—1831) изъ Саксоніи, былъ членомъ училищнаго совѣта и консисторіи въ Кенигсбергѣ, домашнимъ учителемъ, сельскимъ пасторомъ и учителемъ гимназіи. Въ Лейпцигскомъ университетѣ онъ прилежно изучилъ теологію и философію.

„*Главнѣйшія правила катихетики*“ Динтера, представляющія совершенство обученія посредствомъ вопроса—отвѣтной формы, вытекли, главнымъ образомъ, изъ особеннаго душевнаго склада самаго Динтера и были проверены имъ самимъ на практикѣ обученія. По его автобіографіи, онъ былъ веселаго нрава, съ оптимистическимъ взглядомъ на міръ, съ способностью къ воодушевленію, что было въ связи и въ зависимости отъ глубокой вѣры въ Бога. Катихетика Динтера преслѣдовала двѣ цѣли: наглядное усвоеніе учебного предмета и развитіе познавательныхъ способностей учениковъ. Искусная и строгологическая система вопросовъ то распредѣляла учебный матеріалъ на части, то группировала части въ цѣлое и чрезъ это обнажала внутреннюю природу предмета до прозрачности, удерживая въ тоже время мысль отъ уклоненій въ стороны, весьма возможныхъ при катихизической формѣ обученія. Послѣдовательная же постановка

(1) Очерк. истор. восп. и обуч. Модзалевск. стр. 520.

(2) Динтеръ говорилъ: «Песталоцци своимъ нагляднымъ обученіемъ принадлежитъ къ низшему классу, я же съ упражненіями мыслительной способности и катихетикой—къ высшему классу». Очерк. ист. воспит. и обуч. Модзалевск. стр. 661.

вопросовъ изображала предъ дѣтьми то исторію образованія и строенія изслѣдуемаго предмета, то драму жизни и дѣятельности изслѣдуемаго лица. Съ другой стороны, такая система вопросовъ, представляя цѣлое въ частяхъ, причинахъ, условіяхъ, упражняла способности дѣтей: умъ, отвлеченіе, воображеніе, вниманіе и память.

Понятіе объ эротематической формѣ обученія. По внѣшней сторонѣ эротематическая форма обученія состоитъ въ вопросахъ учителя и въ отвѣтахъ дѣтей. По внутренней сторонѣ, „катихизировать, у Динтера, значитъ—обучать еще незнакомыхъ съ предметомъ дѣтей посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ“ (1), или у Денцеля, „развивать истину, посредствомъ цѣлесообразныхъ и послѣдовательно расположенныхъ вопросовъ, и стараться достигнуть яснаго пониманія вещи“ (2). Не всякій вопросъ и не всякій отвѣтъ можетъ принадлежать къ этой формѣ обученія. Главнѣйшій признакъ этой формы есть активное участіе учениковъ въ отвѣтахъ. Когда вопросы учителя возбуждаютъ вниманіе и мышленіе учениковъ, наводятъ ихъ на самостоятельное образованіе новыхъ понятій, или, по крайней мѣрѣ, передаютъ и уясняютъ готовые понятія, тогда такой способъ обученія принадлежитъ къ эротематической формѣ.

Виды эротематической формы. Въ собственно *катихизической формѣ* познанія сообщаются ученикамъ готовые, а не сами ученики додумываются до нихъ. Катихизацию учитель можетъ вести двоякимъ путемъ:

1) „Начинать съ простѣйшаго и уже извѣстнаго ученику и постепенно вести его къ открытію извѣстной истины, или къ объясненію извѣстнаго понятія. Эта форма ученія будетъ *синтетико—катихизическая*“.

(1) Очерк. истор. восп. и обуч. Модзалевск. стр. 661.

(2) Руковод. къ обуч. Весселя т. 2, стр. 138.

2) „Сообщая истину готовою, въ чистой формѣ или въ формѣ разсказа, разлагаетъ ее на составныя ея части, и эти послѣднія сперва въ отдѣльности, а потомъ во взаимной ихъ связи и соединеніи, приводитъ въ сознание ученика. Это будетъ *аналитико—катихизическая форма ученія*“ (1).

Синтетическая катихизація есть собственно *сократика*, или *сократическая катихизація*, составляющая второй видъ эротематической формы—эвристическую форму обученія. Аналитическая катихизація есть такъ называемая *испытательная* или *контролирующая* катихизація.

По Динтеру, испытательная катихизація употребляется въ двухъ случаяхъ: „когда учитель спрашиваетъ ученика съ цѣлю узнать а) или о силѣ его умственныхъ способностей, б) или о его познаніяхъ“.

а) Въ первомъ случаѣ учитель испытываетъ вопросы: „имѣетъ ли ученикъ способность сравнивать, рассуждать, доходить до причинъ, изслѣдывать дѣйствія, дѣлать заключенія, примѣнять факты къ общимъ началамъ“ (2)“.

б) „Во второмъ случаѣ учитель испытываетъ: вѣрно ли понялъ ученикъ сообщенное ему. Это испытаніе учитель производитъ трояко: 1) или повторяя что либо, точно переданное ученику (перечень); 2) или спрашивая его въ разбивку; 3) или, наконецъ, извлекая уже выясненныя понятія изъ свободной бесѣды съ ученикомъ (разговор)“ (3).

в) „При *эвристической формѣ* обученія, ученики, руководимые вопросами учителя, сами, путемъ умственныхъ усилій, доходятъ до уразумѣнія новыхъ познаній“. Вопрос-

(1) Руковод. къ обуч. Весселя т. 2, стр. 140.

(2) Всеобщ. ист. пед. Паротца стр. 337.

(3) Очерк. истор. восп. и обуч. Модзалевск. стр. 668.

сы при эвристической формѣ являются лишь внѣшнюю стороною этой формы и необходимы для того, чтобы побуждать мысль учениковъ и направлять ее къ выводу понятій“ (1). Съ эвристической формой обученія имѣеть одни задачи и цѣли *сократика*, или *сократическая катихизація*.

По Динтеру, „Сократикъ, вмѣсто того, чтобы при объясненіи, напр., дома, показывать ученикамъ готовый домъ, обращать вниманіе на части, на ихъ цѣлесообразное устройство (разлагающая катихизація),—приводить ученика на пустое мѣсто, обдумываетъ съ ученикомъ, какъ употребить это мѣсто въ дѣло, какъ достать матеріаль, какъ строить изъ матеріала домъ. Искусство сократика, т. о., заключается въ извлеченіи новыхъ понятій изъ извѣстныхъ элементарныхъ предметовъ. Если ты желаешь извлечь какое либо новое понятіе, *млекопитающее*, или *любовь*, то наблюдай правила: 1) поищи между извѣстными ребенку предметами такіе, въ которыхъ бы содержалось искомое понятіе (корова, лошадь; или отецъ, мать и т. п.); 2) потомъ отдѣли отъ нихъ все, неотносящееся къ этому понятію и укажи только то, что принадлежитъ собственно къ нему, (вопросами: Кровь у коровъ теплая или холодная? Корова рождаетъ дѣтей живыхъ или неживыхъ? Какъ она питаетъ ихъ?); 3) дай ученику замѣтить, что все, имѣющее одинаковыя свойства, приводится къ одному названію или понятію; 4) или дай ребенку полное опредѣленіе, или приведи характеристическій признакъ опредѣляемаго предмета и предоставь ученику обозначить его по имени, напр., какъ называются животныя съ теплой, красной кровью, рождающія живыхъ дѣтей и кормящія ихъ молокомъ?“ (2)

(1) Ст. Ельницкаго. См. и Шк. 1878 г. январь стр. 40.

(2) Очеркъ ист. восп. и обуч. Модзелевскаго стр. 667.

Въ системѣ эротематической формы обученія у Динтера указываются отдѣльно, какъ необходимыя условія совершеннѣйшей катихизаціи: а) умственныя способности и достоинства учителя; б) правила, опредѣляющія ходъ, форму и содержаніе вопросовъ, или качества вопросовъ и в) правила распредѣленія матеріала катихизаціи.

а) Умственныя способности и достоинства учителя, необходимыя для полнаго искусства катихизаціи, вытекаютъ изъ условій хорошаго катихизатора—учителя. Учитель можетъ быть хорошимъ катихизаторомъ при двухъ главныхъ условіяхъ: при большомъ и разнообразномъ по содержанію запасѣ фактическихъ свѣдѣній и при живомъ умѣ. Запасъ свѣдѣній даетъ возможность уяснить изслѣдуемый предметъ сравненіями и сопоставленіями, а живой умъ даетъ запасу свѣдѣній характеръ подвижности, важной въ катихизаціи, и отличается изобрѣтательностью и остроуміемъ въ расположеніи плана вопросовъ и въ подборѣ сравненій. У Динтера способности и достоинства учителя—катихизатора перечисляются слѣдующимъ образомъ:

а) „Учитель долженъ имѣть остроуміе, проницательность, живое чутье ко всему истинному и нравственному, присутствіе духа, вкусъ, гибкость и пріятность голоса“.

б) „Учитель долженъ стараться пріобрѣсти извѣстныя знанія, практическія свѣдѣнія изъ логики и психологии, изъ догматики и морали, долженъ понимать смыслъ Священнаго Писанія, обладать знаніемъ людей, и въ особенности—дѣтской природы, имѣть готовый запасъ историческихъ разсказовъ и поучительныхъ вымысловъ“.

в) „Учитель долженъ быть знакомъ съ природою и съ гражданскими учрежденіями страны настолько, насколько они доставляютъ матеріалъ и даютъ поводъ къ объясненіямъ; долженъ владѣть роднымъ языкомъ, такъ

какъ эѳимъ обусловливается мѣткость въ выраженіяхъ“. (1).

Эстетическій вкусъ и высокое расположеніе сердца для учителя—катихизатора не менѣе важны умственныхъ качествъ, потому что они открыто и полезно могутъ обнаруживаться въ подборъ сравненій и сопоставленій и вліять на дѣтей.

б) Правила, опредѣляющія качество вопросовъ, слѣдующія:

Относительно порядка вопросовъ:

1) „Всѣ вопросы должны быть расположены въ последовательномъ порядкѣ и опредѣляться цѣлю катихизаціи. Не относящіяся къ цѣли вопросы должны быть тщательно избѣгаемы, какъ лишніе, нецѣлесообразные и могущіе только разсѣять и запутать учениковъ и отвлечь мысли ихъ отъ главнаго предмета.“

2) „Каждый слѣдующій вопросъ учителя долженъ строго соотноситься съ предшествовавшимъ ему отвѣтомъ ученика, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, соответствовать цѣли катихизаціи“. (2)

Относительно содержанія вопросовъ:

1) „Содержаніе вопросовъ не должно быть слишкомъ сухо (отвлеченно, общно). Катихетъ постоянно долженъ обращаться къ отдѣльному, частному, конкретному, и оживлять свои разъясненія примѣрами изъ жизни учениковъ или изъ ихъ обстановки. Вопросы по содержанію должны постоянно возбуждать и поддерживать въ ученикахъ интересъ къ дѣлу и напрягать ихъ вниманіе“. (3)

2) „Не должно избѣгать вопросовъ, заставляющихъ ученика выбирать между двумя, или тремя отвѣтами, потому что такіе вопросы мало по малу приучаютъ роб-

(1) Очерк. ист. восп. и обуч. Модзалевскаго. с. 661.

(2) Руковод. къ обуч. Весселя Т. 2-й с. 140.

(3) Тамъ же стр. 141.

кихъ дѣтей мыслить и сознательно давать отвѣтъ“.

3) „Посредствомъ *побочныхъ вопросовъ* должно предварительно устранить ложныя представленія, а потомъ строить вѣрныя понятія“.

4) „Когда учитель употребляетъ *опровергательные* вопросы, представляющіе какъ бы мнимое возраженіе противъ сказаннаго прежде, то долженъ направлять свои вопросы на упражненіе мышленія учениковъ чрезъ разсматриваніе предмета съ разныхъ сторонъ“.

5) „Если учитель вмѣсто вопросовъ употребляетъ *фразы* и представляетъ ученику досказать одно или нѣсколько недостающихъ словъ для полнаго предложенія, то не долженъ доводить такого участія учениковъ до механическаго договариванія со стороны дѣтей“ (1).

6) „*Наводящіе* вопросы, относящіеся къ обыкновеннымъ дѣтскимъ понятіямъ, должно дѣлать сперва слабѣйшимъ ученикамъ, а съ вопросами о разъясненіи понятій должно обращаться къ способнѣйшимъ ученикамъ“.

7) „Если нужно выясненное понятіе повторить по частямъ, спрашивай слабѣйшихъ; а если нужно сгруппировать составныя части понятія и сдѣлать общій выводъ, то спрашивай лучшихъ учениковъ“ (2).

Относительно формы вопросовъ:

1) „Каждый вопросъ, по содержанію и по формѣ своей, долженъ вполнѣ соответствовать предварительнымъ познаніямъ ученика и его духовнымъ силамъ и способностямъ. Слишкомъ легкіе вопросы не представляютъ ученикамъ никакого труда, не вызываютъ ихъ на обдумываніе и разсужденіе и потому нисколько не упражняютъ и не развиваютъ силы мышленія; слишкомъ же трудные вопросы нарушаютъ спокойный дальнѣйшій

(1) Правила Диттера. Очерк. ист. восп. и обуч. Модзалевск. с. 662

(2) Тамъ же стр. 663.

ходъ катихизаціи, уничтожаютъ въ ученикахъ довѣріе къ своимъ духовнымъ силамъ: ученики падаютъ духомъ, перестаютъ быть внимательны, размышлять и работать; становятся вялыми, лѣнливыми. Для начинающихъ учиться слишкомъ трудными будутъ всѣ вопросы, требующіе различной и сложной мыслительной дѣятельности; напр., насколько сумма чиселъ: 14, 19 и 25 больше или меньше произведенія 13 на 5?"

2) „Каждый вопросъ долженъ быть *точенъ* и *опредѣлеленъ*, такъ чтобы онъ вызывалъ только одинъ опредѣленный отвѣтъ. Для этого въ вопросѣ должны содержаться всѣ признаки, ясно обозначающіе то понятіе, которое должно быть выражено въ отвѣтѣ. Такъ, напр., вопросъ: чего люди не должны дѣлать?—выраженъ неопредѣленно потому, что онъ допускаетъ множество отвѣтовъ; вопросъ: какое слово помощь?—не ясенъ, потому что изъ него не видно, о чемъ собственно спрашивается, о составѣ ли слова помощь, или къ какому разряду словъ оно принадлежитъ“.

3) „Каждый вопросъ долженъ быть *возможно кратокъ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ *полонъ* и *ясенъ*, т. е., онъ не долженъ содержать никакихъ понятій, никакихъ побочных обстоятельствъ, не относящихся прямо къ тому, что должно быть высказано въ отвѣтѣ. Никакое лишнее, необыкновенное или непонятное ученикамъ слово или выраженіе, или сложный необыкновенный оборотъ рѣчи не должны входить въ вопросъ. Всякое многословіе, всякія излишнія опредѣленія и дополненія могутъ только затемнить и затруднить ученику пониманіе спрашиваемого. Напр., какъ мы должны быть расположены къ тѣмъ людямъ, которые насъ ненавидятъ и только и думаютъ о томъ, чтобы насъ огорчать или причинить намъ какой нибудь вредъ? (Вмѣсто простаго: какія чувства должны мы питать къ нашимъ врагамъ?); или: какъ назы-

вается та вещь, сдѣланная изъ простаго дерева и желѣза, или стали, безъ которой не можетъ обойтись огородникъ, для того, чтобы приготовить землю подъ посѣвъ свой? (вмѣсто: какъ называется вещь, которою огородникъ копаетъ землю?) и тому подобные вопросы не должны быть допускаемы въ катихизаціи“. (1)

Главнѣйшія правила относительно отвѣтовъ.

1) „Если отвѣтъ ученика вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ *правиленъ*, то учитель можетъ, не заставляя повторять такого отвѣта, прямо идти далѣе. Но если при этомъ онъ предполагаетъ, что ученикъ далъ такой правильный отвѣтъ не вслѣдствіе собственнаго размышленія и яснаго пониманія вопроса, а только случайно, то, въ такомъ случаѣ, учитель можетъ:

- а) повторить вопросъ другими словами и въ другихъ выраженіяхъ;
- б) поставить новый вопросъ, который бы вызывалъ ученика на нѣкоторыя разъясненія спрашиваемаго;
- в) прямо спросить объясненія отвѣта;
- г) потребовать примѣра“. (2)

2) „Когда ты не получишь никакого отвѣта, то причина молчанія можетъ заключаться:

- а) въ *невнимательности* ученика: тогда повтори вопросъ, а если дитя нужно пристыдить, спрашивай другаго, слабѣйшаго ученика;
- б) въ *недоумльннн* ребенка, незнающаго съ чего начать: тогда учитель обязанъ катихизически объяснить основы рѣшенія или указать на нихъ собственнымъ изложеніемъ и потомъ вновь повторить вопросъ;
- в) въ *неспособности* ученика *выразиться*: тогда учитель долженъ требовать, чтобы онъ, вмѣсто полнаго от-

(1) Руковод. къ преподав. Весселя. Т. 2-й стр. 141.

(2) Руков. къ преподав. Весселя Т. 2-й с. 142.

вѣта, передавъ только одну его отдѣльную часть“.

3) „Общее же правило—требовать полныхъ отвѣтовъ и не доводить катихизацію до крайности, т. е., время отъ времени вызывать также устный, плавный и послѣдовательный рассказ“.

4) „Вопросъ надо задавать всему классу, а потомъ назначать отвѣчающаго: это поддерживаетъ общее вниманіе“.

в) Правила распредѣленія матеріала катихизаціи слѣдующія.

1) „Избравъ какой-нибудь предметъ для катихизаціи, предварительно представь себѣ опредѣленную цѣль“.

2) „Собери всѣ относящіяся сюда истины, доказательства, поясненія и распредѣли ихъ на главныя и второстепенныя мысли такъ, чтобы одно предложеніе было основаніемъ другому, естественно изъ него вытекающему предложенію“.

3) „Чтобы сдѣлать сообщаемыя представленія яснѣе и отчетливѣе, прибѣгай къ опредѣленіямъ въ доступной дѣтямъ формѣ“.

4) „Разлагая данное положеніе на составныя части, ставь вопросы такимъ образомъ, чтобы дитя само могло отыскать и показать эти составныя части“.

5) „Главнос—не забывай заставлятъ учениковъ вызванные у нихъ отдѣльные отвѣты соединять въ одно цѣлое, дѣлать изъ нихъ общій выводъ или резюмировать“.

(1) Очерк. ист. восп. и обуч. Модзалевск. с. 664

(2) Правила Динтера. Очерк. ист. восп. и обуч. Модзалевск. с. 666.

Обученіе грамотѣ, т. е., чтенію и письму.

Урокъ 11-й.

Понятіе о грамотности. „Грамотнымъ называется тотъ, кто умѣетъ *читать* и *писать*. Хотя долгое время обучали чтенію и письму отдѣльно, порознь, но оба эти искусства до того тѣсно между собою связаны, что составляютъ какъ-бы двѣ стороны одного предмета, такъ что, кто сумѣетъ прочесть печатное, а самъ писать ничего неможетъ, тотъ грамотенъ только наполовину. Теперь же повсюду принято и въ обученіи письмо *не отдѣлять* отъ чтенія, но тому и другому учить совмѣстно. Такое соединеніе двухъ искусствъ служитъ не только къ удобству и выгодѣ самаго обученія, но и оправдывается существомъ дѣла“.

„Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что письмо явилось раньше *чтенія* и письменные знаки—раньше *печатныхъ*. Сперва человекъ только *устно*, въ живой рѣчи, лицомъ къ лицу, передавалъ другимъ свои мысли. Затѣмъ, когда появилась нужда передавать свои мысли *зачто*, когда почувствовалась потребность для памяти, для вѣрности, записать живую рѣчь, человекъ выдумалъ письмо; а разъ написавъ, онъ читалъ написанное: за письмомъ шло чтеніе.—Печати сначала не было, и волей-неволей учились чтенію не только вмѣстѣ съ письмомъ, но и посредствомъ письма, рукописью. Такимъ способомъ до половины XVI в., когда у насъ не было книгопечатанія, обучались грамотѣ на Руси, и, какъ передаетъ митр. Кипріанъ (XVI в.), дитя „елико написоваше ему учитель малымъ проученіемъ изучеваше“. По свидѣтельству другаго писателя древности, на Руси, въ старину „точію по чернилу проходили Божественныя писанія“ (1).

(1) Систем. обзоръ народно-учебн. литерат. стр. 131.